

СТИХОТВОРЕНІЯ
В. ЖУКОВСКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Баллады.

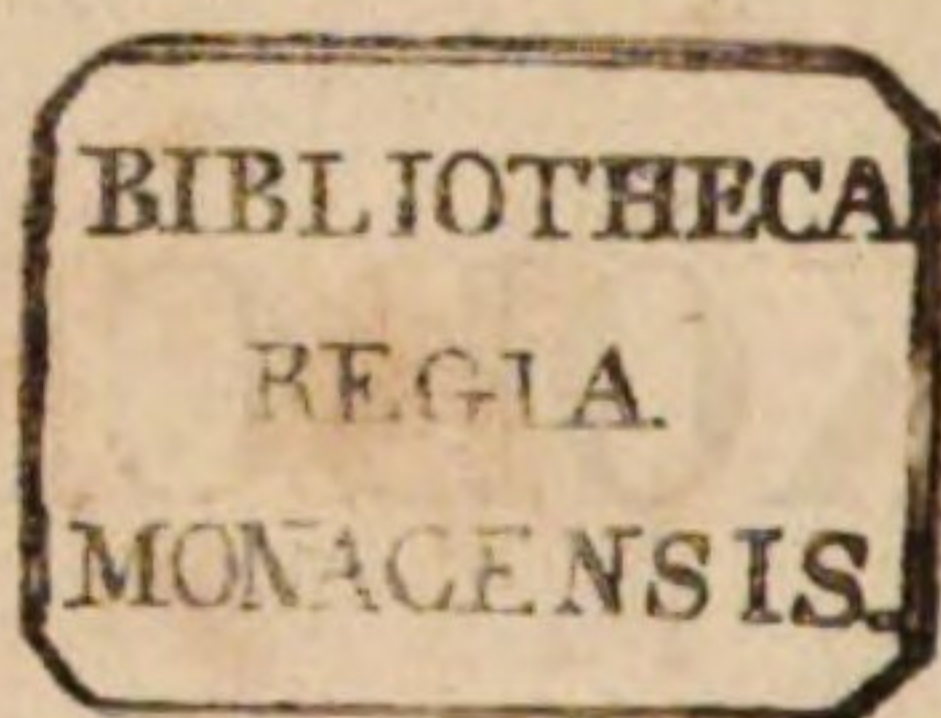
ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

—
1835.

Издание Книгопродавца Александра Смирдина.

ЛЮДМИЛА.

ЛЮДМИЛА.

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?

Съ чужеземною красою

Знать въ далекой сторонѣ

Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ;

Иль безвременно могила

Свѣтлый взоръ твой угасила.“

Такъ Людмила, пріунывъ,

Къ персямъ очи преклонивъ,

На распутіи вздыхала.

„Возвратится ль онъ—мечтала—

Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ

Съ грозной ратию Славянъ?“

Пыль туманить отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;
Топоть, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны....
„Возвратились незабвенны!“...
А Людмила?... Ждетъ пождетъ....
„Тамъ дружину онъ ведетъ;

„Сладкій часъ соединенье!“...
Вотъ проходить ополченье;
Миновался ратныхъ строй....
Гдѣ жъ Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нѣтъ. —
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томну голову склонила:
„Разступись, моя могила;
Гробъ, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить.“ —

„Что съ тобой, моя Людмила?

Мать со страхомъ возопила.

„О, спокой тебя Творецъ!“

—Милый другъ; всему конецъ;

Что прошло—невозвратимо!

Небо къ намъ неумолимо;

Царь небесный насъ забылъ....

Мнѣ ль онъ счастья не сулилъ?

Гдѣ жъ обѣтовъ исполненіе?

Гдѣ святое Провидѣніе?

Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;

Все прости; всему конецъ. —

„О Людмила, грѣхъ роптанье;

Скорбь—Создателя посланье;

Зла Создатель не творить;

Мертвыхъ стонъ не воскресить.“

—Ахъ, родная, миновалось!

Сердце вѣрить отказалось.

Я ль, съ надеждой и мольбой,

Предъ иконою святой

Не точила слезъ ручьями?

Нѣтъ безплодными мольбами

Не призвать минувшихъ дней;

Не цвѣсти душъ моей.

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращу ль невозвратимыхъ? —
„Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, вспомни смертный часъ;
Кратко жизни сей страданье;
Рай—смирненнымъ воздаянье,
Адъ—бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ.“

—Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ—всюду рай;
Съ милымъ розно—райскій край
Безотрадная обитель.
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!—
Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала....
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мрачень доль, и мрачень лѣсъ.

Вотъ и мѣсяцъ велпчавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зеркало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны....
Спятъ приторки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спить....
Чу!.... полночный часъ звучить.

Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ....
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ.
Вдругъ.... идутъ.... (Людмила слышитъ)
На чугунное крыльцо....
Тихо брякнуло кольцо....
Тихимъ шопотомъ сказали....
(Всѣ въ ней жилки задрожали)
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:

—Спать, нѣтъ нѣтъ моя Людмила?
Помнить друга, нѣтъ забыла?
Весела, нѣтъ слезы лить?
Встань, женихъ тебя зоветъ. —
„Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ.
Знать, тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ же былъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?“

—Близъ Наревы домъ мой тѣсный.
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробѣтъ —
Мы коней своихъ сѣдаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь.
Ты моя; моею будь....
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржалъ.
Ѣдемъ, Ѣдемъ, часъ насталъ. —

„Переждемъ хоть время ночи;
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
Хладно въ полѣ боръ шумить;
Мѣсяцъ тучами закрыть.“
— Вѣтеръ буйный перестанетъ;
Стихнетъ боръ; луна проглянетъ;
Ѣдемъ, намъ сто верстъ ѣзды.
Слышишь? Конь грызетъ бразды,
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья.
Мигъ намъ страшенъ замедленья;
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ;
Ѣдемъ, Ѣдемъ, путь далѣкъ. —

„Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колоколь гудить.“
— Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ;
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
Мигомъ борзый конь домчится. —
„Гдѣ жъ, скажи твой тѣсный домъ?“
— Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный;
Саванъ, крестъ и шесть достокъ.
Ѣдемъ, Ѣдемъ, путь далѣкъ. — —

Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главою.
Скокомъ, лѣтомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышетъ конь, земля дрожить;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами;
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.

„Свѣтитъ мѣсяць, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится:
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица со мной?“
—Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба.—
„Чу! въ лѣсу потрясся листъ.
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и отшатнулся;
Вспыхнулъ въ полѣ огонёкъ.“
—Близко ль, милый?—„Путь далёкъ.“—

Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымъ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики:
Будто въ листьяхъ павилики
Вьется легкій вѣтерокъ;
Будто плещетъ ручеекъ.

„Свѣтитъ мѣсяцъ, доль сребрится
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица со мной?“
—Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба. —
„Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
Чую ранній вѣтерокъ;
Конь, мой конь, быстрѣ мчися;
Звѣзды утренни зажглись,
Мѣсяцъ въ облакъ потухъ.
Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ.“

—Близко ль, милый?— „Вотъ примчались.“

Слышуть: сосны зашатались;

Слышуть: спаль съ воротъ запоръ;

Борзый конь стрѣлой на дворъ.

Что же, что въ очахъ Людмилы?

Камней рядъ, кресты могилы,

И среди нихъ Божій храмъ.

Конь несется по гробамъ;

Стѣны звонкій вторять топоть;

И въ травѣ чуть слышный шопоть,

Какъ усопшихъ тихій гласъ....

Вотъ денница занялась.

Что же чудится Людмилъ?....

Къ свѣжей конь примчась могила,

Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ.

Вдругъ—глухой подземный громъ;

Страшно доски затрещали;

Кости въ кости застучали;

Пыль взвилася; обручъ хлопъ;

Тихо, тихо вскрылся гробъ....

Что же, что въ очахъ Людмилы?....

Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?

Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?

Домъ твой—гробъ; женихъ—мертвецъ.

Видить трупъ оцѣпенѣлый:
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвить.
Страшенъ милый прежде видъ;
Впалы мертвыя ланиты;
Мутенъ взоръ полуоткрытый;
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ.... манить перстомъ....
„Конченъ путь: ко мнѣ, Людмила;
Намъ постель—темна могила;
Завѣсь—саванъ гробовой;
Сладко спать въ землѣ сырой.“

Что жъ Людмила?... Каменѣть,
Меркнуть очи, кровь хладѣть,
Пала мертвая на прахъ.
Стонъ и вопли въ облакахъ;
Визгъ и скрежетъ подъ землёю.
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
„Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
Царь Всевышній правосуденъ;
Твой услышалъ стонъ Творецъ;
Часъ твой билъ, насталъ конецъ.“

АЛИНА И АЛЪСИМЪ.

THE HISTORY OF THE

АЛИНА И АЛЬСИМЪ.

За чѣмъ, за чѣмъ вы разорвали

Союзъ сердець?

Вамъ розно быть! вы имъ сказали —

Всему конецъ.

Что пользы въ платьѣ золотое

Себя рядить?

Богатство на землѣ прямое

Одно: любить.

Когда случится, жизни въ цвѣтѣ,

Сказать душой

Ему: *ты будь моя на свѣтъ;*

А ей: *ты мой;*

И вдругъ придется для другаго

Любовь забыть —

Что жребія страшнѣй такого?

И лъзя ли жить?

Алина матери призналась:

„Мнѣ миль Альсимъ;

Давно я въ тайнѣ помѣнялась

Душою съ нимъ;

Давно люблю ему сказала;

Дай счастье намъ.“

—Нѣтъ, дочь моя, за Генерала

Тебя отдамъ. —

И въ монастырь святой Ирины

Отвозить дочь.

Тоска-печаль въ душѣ Алины

И день и ночь.

Три года длилось изгнанье;

Не усладилъ

Ни разу другъ ея страданье:

Но все онъ миль.

Однажды.... о, какъ свѣтъ коварень!....

Сказала мать:

„Любовникъ твой неблагодарень,“

И ей читать

Она даетъ письмо Альсима.

Его черты:

Прости; другая мной любима;

Свободна ты.

Готово все: женихъ приходитъ;

Идутъ во храмъ;

Вокругъ наложъ ихъ обводитъ

Священникъ тамъ.

Увы, Алина, что съ тобою?

Кто твой супругъ?

Ты сердца не дала съ рукою —

Въ немъ прежній другъ.

Какъ смирный агнецъ на закланье,

Вся убрана;

Вокругъ веселье, ликованье —

Она грустна.

Алмазы, платья, ожерелья

Ей мать дарить:

Напрасно.... прежняго веселья

Не возвратить.

Но какъ же дни свои смиренно

Ведеть она!

Вся жизнь семьѣ уединенной

Посвящена.

Алины сердце покорилося

Судьбѣ своей;

Супругу жъ то, что сохранилося

Отъ сердца ей.

Но все, по прежнему, печали
Душа полна;
И что бы взоры не встрѣчали —
Все мысль одна.
Такъ безутѣшная томила
Пять лѣтъ себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.

Разлуки жизнь воспоминанье;
Имъ полонъ свѣтъ;
Хотѣть прогнать его—страданье,
А пользы нѣтъ.
Все по неволѣ улетаемъ
Къ мечтѣ своей;
Твердя: забудь! напоминаемъ
Душѣ объ ней.

Однажды, пріунывъ, Алина
Сидѣла; вдругъ
Купца къ ней вводитъ Армянина
Ея супругъ.
„Вотъ цѣпи, дорогія шали,
Жемчугъ, коралль;
Они лекарство отъ печали:
Я такъ слыхалъ.“

„На что намъ деньги? На веселье.

Кому ихъ жаль?

Купи, что хочешь: ожерелье,

Цѣпочку, шаль,

Или жемчугъ у Армянина;

Вотъ кошелёкъ;

Я скоро возвращусь, Алина;

Прости, дружокъ.“

Товары передъ ней открывши,

Купецъ молчить;

Алина, голову склонивши,

Какъ не глядитъ.

Онъ, взоръ потупя, разбираетъ

Жемчугъ, алмазь;

Подноситъ, молча; но вздыхаетъ

Онъ каждый разъ.

Блистала красота младая

Въ его чертахъ;

Но блѣдень; борода густая;

Печаль въ глазахъ.

Мила для взора живость цвѣта,

Знакъ юныхъ дней;

Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,

Еще милѣй.

Она не видитъ не внимаетъ —

Мысль далеко.

Но часто, часто онъ вздыхаетъ,

И глубоко.

Что (мыслить) онъ такой унылой?

Чѣмъ огорчѣнъ?

Ахъ, если потерялъ, что мило,

Какъ жалокъ онъ!

„Скажи, что сдѣлалось съ тобою?

О чемъ печаль?

Не отъ любви ль? ... Ахъ, всей душою

Тебя мнѣ жаль.“

—Что пользы? Горя намъ словами

Не утолить;

И невозвратнаго слезами

Не возвратить.

—Одно сокровище безцѣнно

Я въ міръ зналъ;

Подобнаго Творецъ вселенной

Не создавалъ.

И я одно имѣлъ въ предметъ:

Имъ обладать.

За то бы радъ былъ все на свѣтъ —

И жизнь отдать.

—Какъ было сладко любоваться
Имъ въ день сто разъ!
И въ мысляхъ я не могъ разстаться
Съ нимъ ни на часъ.
Но року вздумалось лихому
Мнѣ повредить,
И счастье мое другому
Съ нимъ подарить.

Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,
Съ моею тоской
Я побѣжалъ, какъ осужденный,
На край земной:
Но ахъ, отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умереть. —

„Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокаль?“
—О нѣтъ: оно милѣе злата. —
„Рубинъ, коралль?“
—Не тяжело потерять ихъ. — „Что же?
Царевъ алмазь?“
—Нѣтъ, нѣтъ, алмазовъ всѣхъ дороже
Оно сто разъ.

—Съ тѣхъ поръ, какъ я все то, что льстило,
Въ немъ погубилъ,
Я самъ, на память, образъ милой
Изобразилъ.
И на черты его прелестны
Смотрю въ слезахъ:
Мои всѣ блага поднебесны
Въ его чертахъ. —

Алина слушала уныло
Его рассказъ.
„Могу ль на этотъ образъ милой
Взглянуть хоть разъ?
Алинъ, молча, какъ убитый,
Онъ подаетъ
Парчею досканецъ обвитый,
Самъ слезы лить.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка съ надписью златою;
Она прочла:
*Здѣсь все, что я осиротѣлой
Моимъ зову;
Что мнѣ отъ счастья уцѣлѣло;
Все, чѣмъ живу.*

Дощечку съ трепетомъ раскрыла —

И что же тамъ?

Что новое судьба явила

Ея очамъ?

Дрожить, дыханье прекратилось....

Какой предметъ!

И въ комъ бы сердце не смутилось?....

Ея портретъ.

—Алина, пробудись, другъ милой;

Съ тобою я.

Ничто души не измѣнило;

Она твоя.

Въ послѣдній разъ: люблю Алину,

Пришелъ сказать;

Тебя покинуть, жизнь покину,

Чтобъ не страдать.

Алина съ горемъ и тоскою

Ему въ отвѣтъ:

„Альсимъ, я вѣрной быть женою

Дала обѣтъ.

Хоть долгъ и тяжкой и постылой:

Все покорись;

А ты—не умирай, другъ милой;

Но.... удались.“

Алинѣ руку на прощанье

Онъ подаетъ:

Она беретъ ее въ молчаньи

И къ сердцу жметъ.

Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ изступленьи

Онъ задрожалъ,

И имъ во грудь въ одно мгновенье

Вонзилъ кинжалъ.

Альсима нѣтъ; Алина дышитъ:

Невинна я;

(Такъ говоритъ) Всевышній слышитъ

Насъ Судія.

За что жъ рука твоя пронзила

Алинѣ грудь?

Но Богъ съ тобой; я все простила;

Ты все забудь.“

Убійца съ той поры томится

И ночь и день:

Повсюду вслѣдъ за нимъ влачится

Алины тѣнь;

Обагрена кровавымъ токомъ

Вся грудь ея;

И говоритъ ему съ упрёкомъ:

Невинна я.

ВАРВИКЪ.

ВАРВИКЪ.

Никто не зрѣлъ какъ ночью бросилъ въ волны
Эдвина злой Варвикъ;
И слышали одни берега безмолвны
Младенца жалкій крикъ.

Отъ подданныхъ погибшаго губитель
Владыкой признанъ былъ —
И въ Ирлингфоръ уже, какъ повелитель,
Торжественно вступилъ.

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
Старинный Ирлингфоръ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ взоръ.

Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
Ихъ пѣной орошаль,
И низкій берегъ съ лѣсистыми холмами
Въ струяхъ его дрожалъ.

Тамъ пламенѣль береговъ на тихомъ склонѣ
Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ;
И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
Съ звѣздами сводъ небесъ.

Вдали, вблизи разсыпанные села
Дымилась по утрамъ;
Отъ рѣзвыхъ стадъ равнина вся шумѣла,
И вторилъ лѣсъ рогамъ.

Слѣшилъ съ пути прохожій совратяся,
На Ирлингфоръ взглянуть,
И, красотой картинъ его плѣняя,
Онъ забывалъ свой путь.

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ Природы:
Вотще въ его глазахъ
Цвѣтутъ лѣса, вѣся блещутъ воды,
И радость на лугахъ.

И устремить, трепещущій, не смѣть
Онъ взора на Авонъ:
Оттоль зефиръ во слухъ убійцы вѣетъ
Эдвиновъ жалкій стонъ.

И въ тишинѣ безмолвной полуночи
Все тотъ же слышенъ крикъ,
И чудятся блистающія очи,
И блѣдный, странный ликъ.

Вотще Варвикъ съ родныхъ береговъ уходитъ—
Приюта въ міръ нѣтъ:
Страшилищемъ ужаснымъ совѣсть бродитъ
Вездѣ за нимъ во слѣдъ.

И онъ пришелъ опять въ свою обитель:
А сладостный покой,
И бѣдности веселый посѣтитель,
Въ дому его чужой.

Часы стоятъ окованы тоскою;
А мѣсяцы бѣгутъ....
Бѣгутъ—и день убійства за собою
Невидимо несутъ.

Онъ наступилъ; со страхомъ провожаетъ
Варвикъ ночную тѣнь:
Дрожи! — (ему гласъ совѣсти вѣщаетъ) —
Эдвиновъ смертный день!

Ужасный день: отъ молній небо блещетъ;
Отвсюду вихрей стонъ;
Дождь ливня льетъ; волнами съ воємъ плещетъ
Разлившійся Авонъ.

Вотще Варвикъ, среди веселій шума,
Цѣдитъ въ бокаль вино:
Съ нимъ за столомъ садится рядомъ Дума:
Питье отравлено.

Тоскующій и грозный призракъ бродитъ
Въ толпѣ его гостей;
Вездѣ предъ нимъ: съ лица его не сводить
Пронзительныхъ очей.

И день угасъ. Варвикъ спѣшитъ на ложе....
Но и въ тиши ночной,
И на одрѣ уединенномъ то же;
Тамъ сонъ, а не покой.

И мнить онъ зрѣть пришельца изъ могилы,
Тѣнь брата предъ собой;
Въ чертахъ болѣзнь, ликъ блѣдный, взоръ унылый,
И голосъ гробовой.

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ кончину;
И тотъ же слышенъ гласъ,
Какимъ молилъ онъ быть отцемъ Эдвину
Варвика въ смертный часъ:

„Варвикъ, Варвикъ, свершилъ ли данно слово?
Исполненъ ли обѣтъ?
Варвикъ, Варвикъ, возмездіе готово;
Готовъ ли твой отвѣтъ?“

Воспрянулъ онъ—гласъ смолкнулъ—разъяренно
Одинъ во мглѣ ночной
Рѣвелъ Авонъ—но для души смятенной
Былъ сладокъ бури вой.

Но вдругъ—и въявь, средь шума и волненья
Раздался смутный крикъ:
„Слѣши, Варвикъ, спасись отъ потопленья;
Бѣги, бѣги, Варвикъ.“

И къ берегу онъ стремится—подъ стѣною
Уже Авонъ кипитъ;
Глухая ночь; одѣто небо мглою;
И мѣсяцъ въ тучахъ скрытъ.

И молить онъ съ поднятыми руками:
„Спаси, спаси, Творецъ!“
И вдругъ—мелкнулъ челнокъ между волнами;
И въ челнокъ пловецъ.

Варвикъ зоветъ, Варвикъ манитъ рукою—
Не внемля шума волнъ,
Пловецъ сидитъ спокойно надъ кормою,
И править къ берегу чолнъ.

И съ трепетомъ Варвикъ въ челнокъ садится —
Стрѣлой помчался онъ....
Молчитъ пловецъ...молчитъ Варвикъ..вотъ, мнится,
Имъ слышенъ тяжкій стонъ.

На спутника уставилъ кормщикъ очи:
„Не слышался ли крикъ?“
—Нѣтъ, просвисталъ въ твой парусъ вѣтеръ ночи,
Смутясь, сказалъ Варвикъ.

—Правь, кормщикъ, правь, не скоро челнъ домчится;
Гроза со всѣхъ сторонъ. —
Умолкнули.... плывутъ.... вотъ снова, мнится,
Имъ слышенъ тяжкій стонъ.

„Младенца вопль! онъ борется съ волною;
На помощь онъ зоветъ.“

—Правь, кормщикъ, правь, рѣка покрыта мглою;
Гдѣ взоръ его найдетъ? —

„Барвикъ, Барвикъ, часъ смертный зрѣть ужасно;
Ужасно умирать;
Барвикъ, Барвикъ, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?“

„Во мглѣ ночной онъ бьется межъ водами;
Облить онъ хладомъ волнъ;
Еще его не видимъ мы очами;
Но онъ.... нашъ видитъ челнъ!“

И снова крикъ слабѣющій, дрожащій,
И близко челнока....
Вдругъ въ высотъ рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ облака;

И съ яркими сліялася лучами,
Какъ дымъ прозрачный, мгла,
Зрятъ на скалъ дитя между волнами;
И тонетъ ужъ скала.

Пловецъ гребетъ; челнокъ летитъ стрѣлою;
Въ смятеніи Варвикъ;
И озаренъ младенца ликъ луною;
И страшно блѣденъ ликъ.

Варвикъ дрожить—и руку, страха полный,
Къ младенцу протянулъ —
И, со скалы спрыгнувъ младенецъ въ волны,
Къ его рукъ прильнулъ.

И вмигъ.... дитя, челнокъ, пловецъ, незримы;
Въ рукахъ его мертвецъ:
Эдиновъ трупъ, холодный, недвижимый,
Тяжелый, какъ свинецъ.

Утихло все—и небеса и волны:
Исчезъ въ водахъ Варвикъ;
И слышали одни берега безмолвны
Убійцы страшный крикъ.

ГАРАЛЬДЪ.

ГАРАЛЬДЪ.

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листахъ?
Что налетаетъ съ вышины,
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манить?

Что нѣжною рукой

Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ

И тянетъ за собой?

То Фен.... въ легкій хороводъ

Слетѣлись при лунѣ.

Спасенья нѣтъ: ужь всѣ бойцы

Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,

Одинъ не побѣждёнъ:

Въ нетлѣнный съ ногъ до головы

Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;

Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,

Тамъ ржетъ осиротѣлый конь

И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ

Гаральдъ, боецъ съдой,

При свѣтѣ полныя луны

Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумить, журчить ручей —

Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,

И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ

Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ:

Вдругъ обезсилѣлъ онъ;

На камень сѣлъ, поникъ главой,

И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,

Главу склоня, онъ спить:

Сѣдые кудри, борода;

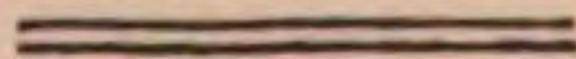
У ногъ копьё и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,

И лѣсъ реветъ густой —

Сквозь сонъ хватается за мечъ

Гаральдъ, боецъ сѣдой.

The first thing I noticed when I
stepped out of the car was
the warm sun on my face.
It felt like a long embrace.

The breeze was gentle, just what I
needed. The world seemed so
peaceful. I took a deep breath
and felt my worries melt away.

I had heard the weather was good,
but it was even better than I
imagined. The sun was just
what I needed to brighten my day.

The people here were so friendly,
it was like I had found a new home.
I was so happy to be here.
I had found what I needed.

I was so lucky to have found
this place. It was everything I
needed. I was so happy to be
here. I had found what I needed.

ПУСТЫННИКЪ.

ПУСТЫННИКЪ.

„Веди меня, пустыни житель,
Святой Анахоретъ;
Близка желанная обитель;
Привѣтный вижу свѣтъ.

„Усталъ я; тма кругомъ густая;
Запалъ въ глуши мой слѣдъ;
Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
Чѣмъ далъ я впередъ.“

—Мой сынъ (въ отвѣтъ пустыни житель),
Ты призракомъ прельщёнъ:
Опасенъ твой путеводитель —
Надъ бездною свѣтитъ онъ.

—Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ
Отверста дверь моя,
И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ
Дѣлюсь отъ сердца я.

—Войди въ гостепріимну келью;
Мой сынъ, передъ тобой
И брашно съ жесткою постелью,
И сладкій мой покой.

— Есть стадо.... но безвинныхъ кровью
Руки я не багрилъ:
Меня Творецъ своей любовью
Щадить ихъ научилъ.

—Обѣдъ снимаю непорочный
Съ пригорковъ и полей;
Деревья плодъ даютъ мнѣ сочный,
А питіе ручей.

—Войди жь въ мой домъ—заботъ тамъ чужды;
Нѣтъ блага въ суетѣ:
Намъ малыя даны здѣсь нужды;
На малый мигъ и тѣ. —

Какъ свѣжая роса денницы,
Былъ сладокъ сей привѣтъ —
И робкій гость, склоня зеницы,
Идетъ за старцемъ въ слѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой
Его таился кровъ —
Пріютъ для сироты гонимой,
Для странника покровъ.

Непышны въ хижинѣ уборы,
Тамъ бѣдность и покой;
И скрипили дверей растворы
Предъ мирною четой.

И старецъ зрѣть гостепріимной,
Что гость его уныль,
И свѣтлый огонекъ онъ въ дымной
Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаетъ
Съ приправой добрыхъ словъ;
Бесѣдой скуку озлащаетъ
Медлительныхъ часовъ.

Кружится рѣзвый котъ предъ ними;
Въ углу кричитъ сверчокъ;
Трещитъ межъ листьями сухими
Блестящій огонёкъ.

Но молчаливъ пришлецъ утрюмый;
Печаль въ его чертахъ;
Душа полна прискорбной думы;
И слезы на глазахъ.

Ему пустынный отвѣчаетъ
Сердечною тоской.
— О юный странникъ, что смущаетъ
Такъ рано твой покой?

— Иль быть убогимъ и бездомнымъ
Творецъ тебѣ судилъ?
Иль преданъ другомъ вѣроломнымъ?
Или вотще любилъ?

Увы, покой себя: презрѣнны
Утѣхи благъ земныхъ;
А тотъ, кто плачетъ, ихъ лишенный,
Еще презрѣннѣй ихъ.

—Приманчивъ дружбы взоръ лукавой:

Но ахъ, какъ тѣнь во слѣдъ

Она за счастьемъ, за славой,

И прочь отъ хилыхъ бѣдъ.

—Любовь.... любовь Прелестъ игрою;

Отрава сладкихъ словъ;

Незрима въ мірѣ; лишь порою

Живетъ у голубковъ.

—Но, другъ, ты робостью стыдливой

Свой нѣжный полъ открылъ. — —

И очи странникъ торопливой,

Краснѣя, опустилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ

Стыдливости покровъ;

Такъ утро тихое сіяетъ

Сквозь завѣсъ облаковъ.

Трепещутъ перси; взоръ склоненный;

Какъ роза, цвѣтъ ланить....

И дѣву-прелестъ изумленный

Отшельникъ въ гостѣ зреть.

„Простишь ли, старецъ, дерзновенье,
Что робкою стопой
Вошла въ твое уединенье,
Гдѣ Богъ одинъ съ тобой?

„Любовь надеждъ моихъ губитель,
Моихъ виновникъ бѣдъ;
Ищу покоя, но мучитель
Тоска за мною въ слѣдъ.

„Отецъ мой знатностію, славой
И пышностью гремѣлъ;
Я дней его была забавой;
Онъ все во мнѣ имѣлъ.

„И рыцари стеклись толпою:
Мнѣ предлагали въ даръ,
Тѣ чистый, сходный съ ихъ душою,
А тѣ притворный жаръ.

„И каждый лестію вѣроломной
Привлечь меня мечталъ....
Но въ ихъ толпѣ Эдвинъ былъ скромной
Эдвинъ, любя, молчалъ.

„Ему съ смиренной нищетою
Судьба одно дала:
Плѣнять высокою душою;
И та моей была.

„Роса на розѣ, цвѣтъ душистой
Фіалки полевой
Едва сравниться могутъ съ чистой
Эдвиновой душой.

„Но цвѣтъ, съ небесною росою,
Живутъ единый мигъ:
Онъ одаренъ былъ ихъ красою,
Я легкостію ихъ.

„Я гордой, хладною казалась;
Но миль онъ въ тайнѣ былъ;
Увы, любя, я восхищалась,
Когда онъ слезы лилъ.

„Несчастный! онъ не снесъ презрѣнья;
Въ пустыню онъ помчалъ
Свою любовь, свои мученья —
И тамъ въ слезахъ увялъ.

„Но я виновна; мнѣ страданье;
Мнѣ увядать въ слезахъ;
Мнѣ будь пустыня та изгнанье,
Гдѣ скрыть Эдвиновъ прахъ.

„Надъ тихою его могилой
Конецъ свой встрѣчу я —
И приношеньемъ тѣни милой
Пусть будетъ жизнь моя.“

— Мальвина! старецъ восклицаетъ,
И палъ къ ея ногамъ....
О чудо! ихъ Эдвинъ лобзаетъ;
Эдвинъ предъ нею самъ.

— Другъ незабвенный, другъ единой!
Опять, на вѣкъ я твой!
Полна душа моя Мальвиной —
И здѣсь дышалъ тобой.

— Забудь о прошломъ; Нѣтъ разлуки;
Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Всѣ въ жизни, радости и муки,
Отнынѣ по поламъ.

—Ахъ, будь и самый часъ кончины

Для двухъ сердецъ одинъ:

Да съ милой жизнью Мальвины

Угаснетъ и Эдвинъ.

МЩЕНИЕ.

МЩЕНИЕ.

Измѣной слуга Паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

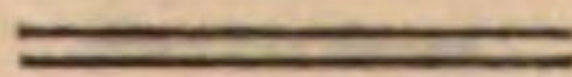
Свершилось убійство ночью порой —
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.

И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ:
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока:
Конь бѣшенный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ:
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

„Сладко мнѣ твоей сестрою,
„Милый рыцарь, быть;
„Но любовію иною
„Не могу любить:
„При разлукѣ, при свиданьѣ
„Сердце въ тишинѣ —
„И любви твоей страданье
„Непонятно мнѣ.“

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью —
Участь рѣшена;
Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину;
Всѣ ужъ на коняхъ;
И помчались въ Палестину,
Крестъ на раменахъ.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкають
Грозно шлемы ихъ;
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою:
Сарацынъ бѣжитъ....
Но душа въ немъ все тоскою
Прежнею болить.

Годъ прошелъ безъ утоленья....
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья —
И покинулъ рать.
Зритъ корабль—шумять вѣтрилы,
Бьетъ въ корму волна —
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтетъ она.

Но стучится къ ней напрасно
Въ двери Пилигримъ;
Ахъ, онъ съ молвой ужасной
Отперлисъ предъ нимъ:
„Узы вѣчнаго обѣта
„Приняла она;
„И, погибшая для свѣта,
„Богу отдана.“

Пышны праотцевъ палаты
Бросить онъ спѣшить;
Навсегда покинуль латы;
Конь навѣкъ забыть;
Власяной покрыть одеждой,
Инокъ въ цвѣтъ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой,
Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельѣ скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой:
Тамъ—сіяло ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣль —
Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дождаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно;
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.

И дождавшись, на ложе
Простирался онъ;
И надежда: *завтра тоже!*
Услаждала сонъ.
Время годы уводило....
Для него жъ одно:
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно;

Чтобъ прекрасная явилась;
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангель тишины.
Разъ—туманно утро было —
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.

АДЕЛЬСТАНЪ.

АДЕЛЬСТАНЪ.

День багряниль, померкая,
Скатъ лѣсистыхъ береговъ;
Реинъ, въ заревъ сіяя,
Пышенъ текъ между холмовъ.

Онъ летучей влагой пѣны
Замокъ Алленъ орошалъ;
Терема, зубчаты стѣны
Онъ въ потокъ отражалъ.

Дѣвы красныя толпою
Изъ растворчатыхъ воротъ
Вышли на берегъ—игрою
Встрѣтить мѣсяца восходъ.

Вдругъ плыветь, къ ладьѣ прикованъ,
Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
Спитъ, какъ будто очарованъ,
Юный рыцарь въ челнокѣ.

Алымъ парусомъ играетъ
Легкокрылый ветерокъ,
И ко берегу приплываетъ
Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь встрепенулся,
Разпустилъ крыль свои;
Дивный плаватель проснулся —
И выходить изъ ладьи.

И по Рейну обратно,
Съ очарованной ладьей,
Поплылъ тихо лебедь статной
И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ замокъ Алленъ входитъ:
Все въ немъ прелесть — взоръ и станъ;
Въ изумленье всѣхъ приводитъ
Красотою Адельстанъ.

Межъ красавицами Лора
Въ замкѣ Алленъ была
Видомъ ангельскимъ для взора,
Для души душой мила.

Графы, Герцоги толпою
Къ ней стеклись изъ дальнихъ странъ —
Но умомъ и красотою
Всѣхъ былъ краше Адельстанъ.

Онъ у всѣхъ залогъ побѣды
На турнирахъ похищаль;
Онъ вечернія бесѣды
Всѣхъ милѣе оживляль.

И пріятны разговоры,
И пріятный блескъ очей
Влили нѣжность въ сердце Лоры —
Милый сталъ супругомъ ей.

Исчезаетъ сновидѣнье —
Въ слѣдъ за днями мчатся дни:
Ихъ въ сердечномъ упоеньѣ
И не чувствуютъ они.

Лишь случается порою,
Что, на воды взоръ склонивъ,
Рыцарь, бродить надъ рѣкою,
Одинокъ и молчаливъ.

Но при взглядѣ нѣжной Лоры
Возвращается покой;
Оживаютъ тусклы взоры
Съ оживленною душой.

Невидимкой пролетаетъ
Быстро время—наконецъ,
Улыбаясь, возвѣщаетъ
Другу Лора: ты отецъ!

Но безмолвно и уныло
На младенца смотритъ онъ.
Ахъ—онъ мыслить—ангелъ милой!
Для чего ты въ свѣтъ рождёнъ?

И когда обрядъ Крещенья
Патеръ долженъ былъ свершить,
Чтобъ водою искупленья
Душу юную омыть:

Какъ преступникъ передъ казнью,
Адельстанъ затрепеталъ;
Взоръ наполнился боязнью;
Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запинаясь, умоляетъ
День обряда отложить.
„Силъ недугъ меня лишаетъ
Съ вами радость раздѣлить!“

Солнце спряталось за гору;
Окропился лугъ росой;
Онъ зоветъ съ собою Лору
Встрѣтить мѣсяцъ надъ рѣкой.

„Нашъ младенецъ будетъ съ нами;
При дыханьи вѣтерка,
Тихоструйными волнами
Усыпитъ его рѣка.“

И пошли рука съ рукою....
День на холмахъ догоралъ;
Молча, сумраченъ душою,
Рыцарь сына лобызалъ.

Вотъ ужъ поздно; солнце сѣло;
Отуманился потокъ;
Черенъ берегъ опустѣлой;
Холодѣтъ вѣтерокъ.

Рыцарь все молчитъ, печаленъ;
Все идетъ вдоль по рѣкѣ;
Лоръ страшно; замокъ Алленъ
Съ часъ какъ скрылся вдалекѣ.

—Поздно, милый; ужъ сѣдѣтъ
Мгла сырая надъ рѣкой;
Съ водъ холодный вѣтеръ вѣтъ;
И дрожитъ младенецъ мой.—

„Тише, тише! Пусть сѣдѣтъ
Мгла сырая надъ рѣкой;
Грудь моя младенца грѣтъ;
Сладко спитъ младенецъ мой.“

—Поздно, милый; по неволѣ
Страхъ въ мою тѣснится грудь;
Мѣсяцъ блѣденъ; хладно въ полѣ;
Дологъ намъ до замка путь.—

Но молчить, какъ очарованъ,
Рыцарь, глядя на рѣку....
Лебедь тамъ плыветъ, прикованъ
Легкой цѣпью къ челноку.

Лебедь къ берегу—рыцарь съ сыномъ
Въ ладію войти спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за Паладиномъ;
Обомлѣла и дрожитъ

И осанясь лебедь статной
Легкой цѣпью повлѣкъ
Вдоль по Рейну обратно
Очарованный челнокъ.

Небо въ Рейнѣ дрожало,
И луна изъ дымныхъ тучъ
На ладью сквозь парусъ алой
Проливала темный лучъ.

И плывутъ они безмолвны;
За кормой струя бѣжитъ;
Тихо плещутъ въ лодку волны;
Парусъ вздулся и шумитъ.

И на берегъ молчанье;
И на мѣсяцъ туманъ;
Лора въ робкомъ ожиданьѣ;
Въ смутной думѣ Адельстанъ.

Вотъ ужъ ночи половина:
Вдругъ.... младенецъ сталъ кричать.
—Адельстанъ, отдай мнѣ сына!—
Возопила въ страхъ мать.

„Тише, тише; онъ съ тобою.
Скоро.... ахъ кто дастъ мнѣ силъ?
Я ужасною цѣною
За блаженство заплатилъ.

„Спи, невинное творенье;
Мучить душу голосъ твой.
Спи, дитя; еще мгновенье,
И навѣкъ тебѣ покой.“

Лодка къ берегу—рыцарь съ сыномъ
Вытти на берегъ спѣшить;
Лора вслѣдъ за Паладиномъ,
Пуще мѣеть и дрожить.

Страшенъ берегъ обнаженный;
Нѣтъ ни жила ни древесъ;
Черенъ, дикъ, уединенный,
Въ сторонѣ стоитъ утесъ.

И пещера подъ скалою —
Въ ней не зрѣло око дна;
И чернѣетъ предъ луною
Страшнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ;
Смотритъ робко на утесъ.
Звучно къ безднѣ восклицаетъ
Паладинъ: я дань принесъ!

Въ безднѣ звуки отразились;
Отзывъ грянулъ вдоль рѣки;
Вдругъ.... изъ бездны появились
Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приблизилъ рыцарь сына....
Цѣпенѣющая мать,
Возопить, у Паладина
Жертву бросилась отнять,

И воскликнула: Спаситель!...

Гласъ достигнулъ къ небесамъ:

Живъ младенецъ, а губитель

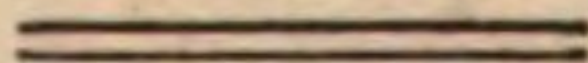
Низпровергнуть въ бездну самъ.

Страшно, страшно застонало

Въ грозныхъ сжавшихся когтяхъ....

Вдругъ, все пусто, тихо стало

Въ глубинѣ и на скалахъ.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

THE END OF THE WORLD

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

На Посидоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокориннѣ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ....
Все тихо: листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

*

„О спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ.
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужаго берега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратить Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничей главы.“

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой....
И зрить убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не успѣлъ.

Къ богамъ, ко смертнымъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ —
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
„И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ ни отъ людей.“

И онъ боролся ужъ съ кончиной....
Вдругъ.... шумъ отъ стаи журавлиной;
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стелящій гласъ.
„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Отмщенья громъ на ихъ главу.“

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѣскій другъ узналъ пѣвца.
„И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ.“

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона....
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Притановъ окружилъ народъ,
И вопить: „старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!“

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лице врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто жь—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры,
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры)
Пришедъ изъ ближнихъ, дальныхъ странъ,
Шумя какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отъсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азій далёкой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Эракійскихъ горъ....
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окружёнъ,
Обходить вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была;
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.

Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: *казнь!*
Гроза души, ума смутитель,
Эриннѣй страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

„Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ....
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тмы.

„Не мните скрыться—мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянне не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ.“

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель—зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденъемъ —
Со страхомъ мнитъ о Силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываясь, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Парфеній, слышишь?... Крикъ вдали
То Ивиковы журавли!“...
И небо вдругъ покрылось тмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумить;
И видятъ... черной полосой
Станица журавлей летить.

„Что? Ивикъ!“... Все поколебалось —

И имя Ивика помчалось

Изъ усть въ уста.... шумить народъ,

Какъ бурная пучина водъ.

„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный

Врагомъ незнаемымъ поэтъ!....

Что, что въ семь словъ сокровенно?

И что сихъ журавлей полеть?“

И всѣмъ сердца въ одно мгновенье,

Какъ будто свыше откровенье,

Блеснула мысль: „убійца тутъ;

То Эвменидъ ужасныхъ судъ;

Отмщенье за пѣвца готово;

Себѣ преступникъ измѣнилъ.

Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,

И тотъ, къмъ онъ внимаемъ былъ!“

И блѣдень, трепетень, смятенный,

Незапной рѣчью обличенный,

Исторгнуть изъ толпы злодѣй:

Передъ сѣдалище судей

Онъ привлечень съ своимъ клеветомъ;

Смущенный видъ, склоненный взоръ,

И тщетный плачь былъ ихъ отвѣтомъ;

И смерть была имъ приговоръ.

ЛЪСНОЙ ЦАРЬ.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держать и грѣть старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
—Родимый, лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.—
О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.

„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
„Веселаго много въ моей сторонѣ:
„Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
„Изъ золота слиты чертоги мои.“

—Родимый, лѣсной Царь со мной говорить:
Онъ золото, перлы и радость сулить. —
О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.

„Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
„Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
„При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
„Играя, летая, тебя усыплять.“

—Родимый, лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ вижу киваютъ изъ темныхъ вѣтвей. —
О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То вѣтлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.

„Дитя, я плѣнился твоей красотой:
„Неволей иль волей, а будешь ты мой.“
—Родимый, лѣсной Царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжело дышать. —

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, Ѣздокъ доскакалъ....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ,
Запахъ розъ и ѳиміама,
Гимны дѣлъ и лирный гласъ.
Спитъ гроза минувшей брани,
Щитъ и мечъ и конь забыть,
Облеченъ въ пурпурны ткани
Съ Поликсеною Пелидъ.

Дѣвы, юноши четами
По узорчатымъ коврамъ,
Украшенные вѣнками,
Идутъ веселы во храмъ;
Стогны дышутъ ѳиміамомъ;
Въ злато Царскій домъ одѣтъ;
Снова счастье надъ Пергамомъ....
Для Кассандры счастья нѣтъ.

Уклонясь отъ лирныхъ звоновъ,
Нелюдима и одна,
Дочь Пріама въ Аполлоновъ
Древній лѣсъ удалена.
Сводомъ лавровъ осѣненна,
Сбросивъ жрическій покровъ,
Провозвѣстница священна:
Такъ роптала на боговъ:

„Тамъ шумятъ веселыхъ волны;
Всѣмъ душа оживлена;
Мать, отецъ надеждой полны;
Въ храмъ сестра приведена.
Я одна мечты лишена;
Ужасъ мнѣ—что радость тамъ;
Вижу, вижу: окриленна
Мчится Гибель на Пергамъ.

„Вижу факель—онъ свѣтлѣетъ
Не въ Гименовыхъ рукахъ,
И не жертвы пламя рдѣетъ
На сгущенныхъ облакахъ;
Зрю пировъ уготовленье....
Но.... горѣ, по небесамъ
Слышно Бога приближенъ,
Предлетящаго бѣдамъ.

„И вотще мое стenanье,
И печаль моя мнѣ стыдъ:
Лишь съ пустынями страданье
Сердце сирое дѣлать.
Отъ счастливыхъ отчужденна,
Веселящимся позоръ,
Я тобой всѣхъ благъ лишена,
О предвѣденія взоръ!

„Что Кассандрѣ даръ вѣщанья
Въ семь жилищъ скромныхъ чадъ
Безмятежнаго незнанья,
И блаженныхъ имъ стократъ?
Ахъ, почто она предвидитъ
То, чего не отвратить?...
Неизбѣжное придетъ,
И грозящее сразитъ.

„И спасу ль ихъ, открывая
Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье—жизнь прямая;
Знанье—смерть прямая намъ.
Фебъ, возми твой даръ опасной,
Очи мнѣ спѣши затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью быть.

„Я забыла славить радость,
Ставь пророчицей твоей.
Слепоты погибшей сладость,
Мирный мракъ минувшихъ дней,
Съ вами скрылись наслажденья!
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
Настоящаго отъялъ.

„Никогда покровъ вѣнчальный
Мнѣ главы не освѣтитъ:
Вижу факель погребальный;
Вижу: ранній гробъ открыть.
Я съ родными скучну младость
Всю утратила въ тоскѣ —
Ахъ, могла ль дѣлить ихъ радость,
Видя скорбь ихъ вдалекѣ?

„Ихъ ласкаетъ ожиданье;
Жизнь, любовь передо мной;
Все окрестъ очарованье —
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна;
Міръ цвѣтущій пусть и дикъ....
Ахъ, сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

„Сладкій жребій Поликсены!

Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,

И гордясъ сама собой,
Благъ своихъ не постигаетъ:

Въ сновидѣніяхъ златыхъ,
И безсмертья не желаетъ

За одинъ съ Пелидомъ мигъ.

„И моей любви открылся

Тотъ, кого мы ждемъ душой:
Милый взоръ ко мнѣ стремился

Полный страстною тоской....

Но—для насъ передъ богами

Брачный гимнъ не возгремитъ;

Вижу: грозно между нами

Тѣнь Стигійская стоитъ.

„Духи, блѣдною толпою

Покидая мрачный адъ,

Всѣхъ за мной и предо мною,

Неотступные летятъ;

Въ рѣзвы юношески лики

Вносятъ ужасъ за собой;

Внемя радостные клики,

Внемяю ихъ надгробный вой.

„Тамъ сокрытый блескъ кинжала;
Тамъ убійцы взоръ горить;
Тамъ невидимаго жала
Ядъ погibelью грозить.
Все предчувствуя и зная,
Въ страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я въ чужбинѣ гробъ найду....“

И слова еще звучали....
Вдругъ.... шумить священный лѣсъ....
И зефиры гласъ примчали:
„Палъ великій Ахиллесъ!“
Машутъ фуріи зміями,
Боги мчатся къ небесамъ....
И карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ.

ТРИ ПЪСНИ.

ТРИ ПѢСНИ.

Споетъ ли мнѣ пѣсню веселую Скальдъ?
Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
И Скальдъ выступаетъ на царскую рѣчь,
Подъ мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

„Три пѣсни я знаю: въ одной старина!
„Тобою, могучій, забыта она;
„Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
„Та пѣсня: *отца моего ты убилъ.*

„Есть пѣсня другая: ужасна она;
„И мною подъ бурей ночной сложена;
„Пою ее ранней и поздней порой;
„И пѣсня та: *бейся, убійца, со мной!* “

Онъ въ сторону арфу, и мечъ наголо;
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали искры по звонкимъ мечамъ —
И рухнулъ Освальдъ голова пополамъ.

„Раздайся жь, послѣдняя пѣсня моя;
„Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
„Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
„Та пѣсня: *убійца поверженъ въ крови.*“

ЭЛЬВИНА И ЭДВИНЪ.

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY

ЭЛЬВИНА И ЭДВИНЪ.

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
Стояла хижина, смиренной
Покоя уголокъ.

Эльвина тамъ красавица таилась —
Въ ней зрѣла мать подпору дряхлыхъ дней,
И только объ одномъ молилась:
„Всѣ блага жизни ей.“

Какъ лилія была чиста душою,
И пламенѣль румянецъ на щекахъ —
Такъ разливается весною
Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
Для всѣхъ подругъ красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго искусства
Эдвинова плѣняла красота:
Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
А въ сердцѣ простота.

И заключенъ святой союзъ сердцами:
Душѣ легко въ родной душѣ читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О, сладко жить, когда душа въ покоѣ,
И съ тѣмъ, кто милъ, начавъ, кончаешь день!
Вдвоемъ и радости всѣ вдвое....
Но ахъ, онъ какъ тѣнь.

Лишь золото любилъ отецъ Эдвина;
Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
Эльвинъ же дала судьбина
Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
На ихъ любовь—на счастье двухъ сердець.

„Разстаньтесь!“ роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить....

Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Прелестный видъ, плѣнительныя рѣчи,
Восторгъ любви—все было только сонъ;
Онъ розно съ ней; онъ съ ней и встрѣчи
Бояться осуждѣнъ.

Лишь по утрамъ, чтобъ видѣть слѣдъ Эльвины,
Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она
Шла по излучинѣ долины,
Печальна и одна;

Или, когда являя мѣсяцъ роги,
Туманный свѣтъ на рощи наводилъ,
Онъ, грустенъ, вдоль большой дороги
До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
Его тоскѣ давало пищу
Спокойствіе гробовъ.

Знать гробъ ему предчувствіе сулило!
Уже ланить румяный цвѣтъ пропаль;
Ихъ горе блѣдностью покрыло....
Несчастный увядалъ.

И не спасутъ его младыя лѣты;
Вотще въ слезахъ надъ нимъ его отецъ;
Вотще и вопли и обѣты!...
Всему, всему конецъ.

И молить онъ: „друзья, изъ сожалѣнья!...
Хотя бы разъ мнѣ на нее взглянуть!...
Ахъ, дайте, дайте отъ мученья
При ней мнѣ отдохнуть.“

Она пришла; но взоръ любви всесильный
Уже тебя Эдвинъ, не воскресить:
Уже готовъ покровъ могильный,
И гробъ уже открыть.

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ:

Ни тѣни прежняго Эдвина;
Лишь блѣдный, слабый гласъ.

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку,
И на нее взоръ томный устремилъ:
Какъ сильно вѣчную разлуку
Сей взоръ изобразилъ!

И въ тмѣ ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругомъ густѣла мгла.

Отъ сѣвера подъемлясь, вѣтеръ хладной
Качаль, свистя во мракъ, дерева;
И выла на стѣнѣ оградной
Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирала;
И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ;
Казалось—тѣнь его летала;
Казалось—онъ стоналъ.

Но.... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинъ:
Вдали пробилъ уныло тяжкій звонъ;
Какъ смерти голосъ, по долину
Промчавшись, стихнулъ онъ.

И къ матери безъ памяти вбѣжала —
Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.
„Прости, все кончилось! (сказала)
Мой ангелъ улетѣлъ!

„Благослови.... зовутъ.... иду къ Эдвину....
Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ.“
Умолкла.... мать зоветъ Эльвину...
Эльвины больше нѣтъ.

ГРАФЪ ГАПСБУРГСКІЙ.

★

ГРАФЪ ГАПСБУРГСКІЙ.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;

Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ

Рудольфъ, Императоръ избранный, сидѣлъ

Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.

Тамъ кушанья Рейнскій Фальцграфъ разносилъ;

Богемецъ напитки въ поалы цѣдилъ;

И семь Избирателей чиномъ

Устроенный древле свершая обрядъ,

Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,

Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Крутомъ возвышался богатый балконъ,
 Ликующимъ полный народомъ;
И кланки, со всѣхъ прилстая сторонъ,
 Подъ древнимъ сливались сводомъ.
Быль конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
 Судья надъ землею быль снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
 Могущимъ во власть безъ покрова.

И Кесарь, наполнивъ покаль золотой,
 Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
 „Все царскій мой духъ восхищаетъ;
„Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердець?
„Придетъ ли мнѣ душу разтрогать Пѣвецъ
 „Игрой и благимъ поученьемъ?
„Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
„Днесъ Кесарь, покину ль обычай святой
 „Пиръ услаждать пѣснопѣньемъ?“

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходить, одѣянь таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ;
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ міръ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ....
О чемъ же Властитель воспѣтъ повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?“

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой;
(Пѣвцу отвѣчаетъ Властитель)
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ. —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самдругъ
Изъ чащи лѣсной на сілющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонить;
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

„И набожный Графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, что живить и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

„Куда? изумившійся Графъ спросилъ.“

—Въ село; умирающій нищій

Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,

И алчетъ небесныя пищи.

Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ

Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—

Его разбросало водою;

Чтобъ душу святой благодатью спасти,

Я здѣсь неглубокій потокъ перейти

Спѣшу обнаженной стопою.—

И пастырю витязь коня уступилъ,

И подалъ ногѣ его стремя,

Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ

Страдальцу грѣховное бремя.

И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,

И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;

Священникъ же, требу святую

Свершивши, при первомъ мерцаніи дня

Приходить ко Графу, смиренно коня

Ведя за узду золотую.

„Дерзну ли помыслить я, Графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не приѣмлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принести
И славу и честь и дыханье.“

— Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почитить Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесъ Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей;
И шесть разцвѣтають тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды.“ — —

И въ думѣ главу Императоръ склонилъ:

Минувшее въ немъ оживилось.

Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ —

И таинство словъ объяснилось:

Онъ пастыря видить въ пѣвцѣ предъ собой;

И слезы, изъ глазъ побѣжавши струей,

Порфирой закрылъ въ умиленьѣ....

Все смолкло, на Кесаря очи поднявъ,

И всякъ догадался кто набожный Графъ,

И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

УЗНИКЪ.

УЗНИКЪ.

„За днями дни идутъ, идутъ....

„Напрасно;

„Они свободы не ведутъ

„Прекрасной;

„Объ ней тоскую и молюсь,

„Ее зову, не дозовусь.

„Смотрю въ высокое окно

„Темницы:

„Все небо свѣтомъ зажжено

„Денницы;

„На свѣжихъ крыльяхъ вѣтерка

„Летаютъ вольны облака.

„И такъ всё блага замѣнить

„Могилой;

„И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить

„Такъ мило;

„Ахъ, дайте въ свѣтъ подышать;

„Еще мнѣ рано умирать.

„Лишь мигъ весеннимъ бытіемъ

„Жила я;

„Лишь мигъ на праздникъ земномъ

„Была я;

„Душа готовилась любить....

„И все покинуть, все забыть!“

Такъ голосъ заунывный пѣлъ

Въ темницѣ....

И сердцемъ юноши летѣлъ

Къ пѣвицѣ.

Но онъ въ неволѣ, какъ она;

Межъ ними хладная стѣна.

И тщетно съ ней онъ разлучёнъ

Стѣною:

Невидимую знаетъ онъ

Душою;

И мысль объ ней и день и ночь

Отъ сердца не отходить прочь.

Все видитъ онъ: во тмѣ она

Тюрѣмной

Сидить, раздумью предана,

Взоръ томной;

Младенчески прекрасенъ видъ;

И слезы падаютъ съ ланить.

И ночью, забывая сонъ,

Въ мечтаньѣ,

Ея подслушиваетъ онъ

Дыханье;

И на устахъ его горить

Огонь молодыхъ ея ланить.

Таясь, страданія однѣ
Дѣлать съ ней,
Въ одной темничной глубинѣ
Молить съ ней
Согласной думой и тоской
Отъ неба участи одной —

Вотъ жизнь его: другой не ждетъ
Онъ доли;
Онъ, равнодушный, не зоветъ
И воли:
Съ ней розно въ свѣтѣ жизни нѣтъ;
Прекрасенъ только ею свѣтъ.

„Не ты ль—онъ мнитъ—давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутнаго тоской,
Волненьемъ жизни молодой?

„Тебя въ пророчественномъ снѣ

Видалъ я;

Тобою въ пламенной веснѣ

Дышалъ я;

Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;

Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.

„Когда же сердце лсный взоръ

Твой встрѣтитъ?

Когда, разрушивъ сей затворъ,

Освѣтитъ

Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?

Лети, лети, желанный часъ.“

Напрасно; часъ не прилетѣлъ

Желанный;

Другой Создателемъ удѣлъ

Избранный

Достался узницѣ молодой—

Небесно-тайный, не земной.

*

Разъ слышитъ онъ: затворовъ громъ,

Рыданье,

Звукъ цѣпи, голоса.... потомъ

Молчанье....

И ужасъ грудь его томить —

И тщетно ждетъ онъ.... все молчить.

Увы, удѣлъ его рѣшенъ....

Угрюмый,

Навѣкъ грядущаго лишенъ,

Всѣ думы

За ней онъ въ гробъ переселилъ,

И молить Рокъ, чтобъ поспѣшилъ.

Однажды — только занялась

Денница —

Ето со стукомъ расперлась

Темница.

„О радость! (мнитъ онъ), скоро къ ней!“

И что жь?... Свобода у дверей.

Но хладно принялъ онъ привѣтъ

Свободы:

Прекраснаго ужъ въ мирѣ нѣтъ;

Дни, годы

Напрасно будутъ проходить....

Погибшаго не возвратить

Ахъ, слово милое объ ней

Кто скажетъ?

Кто слѣдъ ея забытыхъ дней

Укажетъ?

Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?

Гдѣ тотъ, кого *своимъ* звала?

И нѣтъ ему въ семьѣ родной

Улады;

Задумчивъ, грустію нѣмой

Онъ взгляды

Сердечные встрѣчаетъ ихъ;

Онъ въ людствѣ сумраченъ и тихъ.

Настанетъ день—ни съ мѣста онъ;
Безгласный,
Душой въ мечтанье погружёнъ,
Взоръ страстный
Исполненъ смутнаго огня,
Стоитъ онъ, голову склоня.

Но тихо въ сумракъ ночей
Онъ бродитъ,
И съ неба темнаго очей
Не сводить:
Звѣзда знакомая тамъ есть;
Она къ нему приноситъ вѣсть....

О миломъ вѣсть и въ міръ иной
Признанье....
И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой
Страданье;
Ея краса оживлена:
Ему въ ней свѣтится она.

Онъ таялъ, гаснулъ, и угасъ....

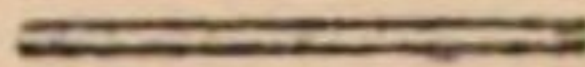
И мнилось,

Что вдругъ предъ въ послѣдній часъ

Явилось

Все то, чего душа ждала

И жизнь въ улыбкѣ отошла.

СВѢТЛАНА.

CHITTY

СВѢТЛАНА.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРѢВНЪ ВОЕЙКОВОЙ.

Разъ въ Крещенской вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
Серги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна

Въ сумракѣ тумана—

Молчалива и грустна

Милая Свѣтлана.

„Что, подруженька, съ тобой?

Вымолви словечко;

Слушай пѣсни круговой;

Вынь себѣ колечко.

Пой, красавица: „кузнецъ,

„Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,

„Скуй кольцо златое;

„Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,

„Обручаться тѣмъ кольцомъ

„При святомъ наложъ.“

—Какъ могу, подружки, пѣть?

Милый другъ далёко;

Мнѣ судьбина умереть

Въ грусти одинокой.

Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;

Онъ ко мнѣ не пишетъ;

Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,

Имъ лишь сердце дышетъ....
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью;
Утоли печаль мою,
Ангель-утѣшитель. —

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.“

Вотъ красавица одна;
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнёмъ
Чуть лѣтъ сіянье....
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманить очи....
Съ трескомъ пыхнулъ огонёкъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершия локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышитъ....
Вотъ.... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ

Яркими глазами....
Занялся отъ страха духъ....
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопоть:
„Я съ тобой, моя краса;
Укrotились небеса;
Твой услышанъ ропоть!“

Оглянулась.... милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами.“
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣлц.... кони съ мѣста въ разъ;

Пышутъ дымъ поздрами;

Отъ копытъ ихъ поднялась

Вьюга надъ санями.

Скачутъ.... пусто все вокругъ,

Степь въ очахъ Свѣтланы;

На лунѣ туманный кругъ;

Чуть блестятъ поляны.

Сердце вѣщее дрожить;

Робко дѣва говорить:

„Что ты смолкнулъ, милый?“

Ни полслова ей въ отвѣтъ:

Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,

Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;

Топчутъ снѣгъ глубокой....

Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ

Видѣнъ одинокой;

Двери вихорь отворилъ;

Тма людей во храмъ;

Яркій свѣтъ паникадилъ

Тускнеть въ ошміамъ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласить протяжно похъ:
„Буди взять могилой!“
Пуще дѣвица дрожить;
Кони мимо; другъ молчить,
Блѣдень и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ;
Снѣгъ валить клоками;
Черный врагъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласить: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотреть въ темну даль,
Воздымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонёкъ;
Видѣнь мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстры;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчались.... и вмигъ

Изъ очей пропали:

Кони, сани и женихъ

Будто не бывали.

Одинокая въ потмахъ

Брошена отъ друга

Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;

Вкругъ метель и вьюга.

Возвратиться — слѣду нѣтъ....

Видѣнь ей въ избушкѣ свѣтъ:

Вотъ перекрестилась;

Въ дверь съ молитвою стучить....

Дверь шатнулася.... скрипитъ....

Тихо растворилась.

Чтожъ?.... Въ избушкѣ гробъ; накрытъ

Бѣлою запоной;

Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;

Свѣчка предъ иконой....

Ахъ, Свѣтлана, что съ тобой?

Въ чью пришла обитель?

Страшенъ хижины пустой

Безотвѣтный житель.

Входить съ трепетомъ, въ слезахъ;

Предъ иконою пала въ прахъ;

Спасу помолилась;

Со крестомъ своимъ въ рукѣ,

Подъ Святými въ уголкѣ

Робко притаилась

Все утихло.... вьюги нѣтъ....

Слабо свѣчка тлится,

То пролетѣть дрожащій свѣтъ,

То опять затмится....

Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ;

Страшное молчанье....

Чу, Свѣтлана!.... въ тишинѣ

Легкое журчанье....

Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ

Бѣлоснѣжный голубокъ

Съ свѣтлыми глазами,

Тихо вѣя, прилетѣлъ,

Къ ней на перси тихо сѣлъ,

Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ....

Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....

Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)

Видѣнъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.

Вдругъ.... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы....

Что же дѣвица?... Дрожить....
Гибель близко.... но не спитъ
Голубчикъ бѣлый.

Встрепенулся развернулъ
Легкія онъ крылы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ....
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ

Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась....
Глядь Свѣтлана.... о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
Ахъ!... и пробудилась.

Гдѣ жь?.... У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ.... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину.
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость или кручину?“

Съла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнь сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкой....
Чу!... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкой;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идѣтъ....
Кто?... Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; всё тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ;
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ

Милы разговоры.
Отворяйся жь, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Соберитесь, старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава—насъ учили—дымъ;
Свѣтъ судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
„Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.“

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ

Ты, моя Свѣтлана....

Будь, Создатель, ей покровъ;

Ни печали рана,

Ни минутной грусти тѣнь

Къ ней да не коснется;

Въ ней душа какъ ясный день;

Ахъ! да пронесется

Мимо—Бѣдствія рука;

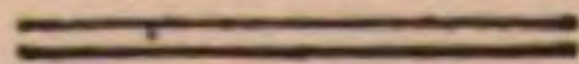
Какъ пріятный ручейка

Блескъ на лонѣ луга,

Будь вся жизнь ея свѣтла;

Будь веселость, какъ была,

Дней ея подруга.

ЭОЛОВА АРФА.

ЭОЛОВА АРФА.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатый замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И сталася кудрявый
Кустарникъ по значнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ еленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краёвъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Еленей рогами;
И въ память отцамъ
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за покаянъ рассказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцевъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ;
Мечи ихъ зубчаты;
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительской домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
Сквозь темны ресницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье —
Пріятность рѣчей;
Какъ роза, дыханье;
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ;
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дочерью гордился
Предъ ними отецъ....
Но въ тайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ.

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза-утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный....
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ:
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ. —

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покати́лась луна;
И озера воды
Струистымъ сѣнъемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмъ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ —
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ —
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхъ таила дыханье она.

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропоть у берега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
„Какъ быстрыя воды
Потокъ свой лютъ —
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ.“

—Чтожь сердце уныло?
Пусть воды лютя, пусть годы бѣгутъ;
О вѣрный! о милой!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ. —
„Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ;
Ты жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ.“

—Что въ славѣ и санѣ?
Любовь мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О милый, Минванъ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Почто же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть; —

„Минутная сладость
Веселаго *вмѣстѣ*, помедли, постой;
Кто скажетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарёй!
Проглянетъ денница —
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ.“

—Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслию, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой. —

„Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ.“
— О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ. —

„Ужь въ замкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ.“
—О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія птицы на вѣтвяхъ кустовъ. —
„Заря ужъ багряна“
—О милый, постой. —
„Минвана, Минвана,
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?“

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
„Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.

„Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ.
Какъ прежде, разыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.

„И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки:
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Всѣ съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.

„Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любить и болѣе твой.
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На юныя перси дышать прилтай.“

Умолкъ—и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ....
Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: *на вѣки прости!* говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И, тихой стопою
Отъ ней удался, какъ призракъ, пропалъ....

Луна возсіяла....
Минвана у древа.... но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастіемъ конецъ;
Молва о свиданьѣ
Достигла отца....
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана груститъ.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ;
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ —
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ.

Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ.... но арфа молчитъ. — —
Творенія радость,
Настала весна —
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

*

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день;
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнилися воды;
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

Сидѣла уныло
Минувана у древа.... душой въ далекѣ....
И тихо все было....
Вдругъ.... къ пламенной что-то коснулось щекъ;
И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листья;
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты....

И вдругъ.... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ;
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!....
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобный звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ.
Когда жь возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ —
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

„О милыя струны,
Играйте, играйте.... мой часъ не далёкъ;
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ.
И странникъ унылой
Заутра придетъ,
И спросить: гдѣ милой
Цвѣтокъ мой?... и болѣ цвѣтка не найдетъ.“

И нѣтъ ужъ Минваны....

Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей

Восходятъ туманы,

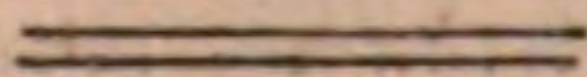
И свѣтитъ какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—

Двѣ видятся тѣни:

Смѣвшись, лѣтятъ

Къ знакомой имъ сѣни....

И дубъ шевелится, и струны звучать.

АХИЛЛЪ.

АХИЛЛЪ.

Отуманилася Ида;
Омрачился Иліонъ;
Спитъ во мракъ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все.... курясь, сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
Стражу стража близъ шатровъ.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтель всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
И брега отражены;
Видѣнь въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ:
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.

И на брегъ близъ кургана
Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далекъ отъ стана;
Онъ главу на длань склонилъ.
Смотрить въ даль—тамъ съ колесницей
На пути Приама зрить:
Отираетъ багряницей
Слезы бѣдный Царь съ ланить.

Лиру взялъ; ударилъ въ струны;
Тихъ его печальный гласъ:
„Старецъ, палъ твой Гекторъ юный;
Свѣтъ души твоей угасъ;
И Гекуба, Андромаха
Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ ношей милаго имъ праха....
Жизнь и смерть имъ твой возвратъ.

„И съ денницею печальной
Воскурится ѳиміамъ,
Огласятся погребальной
Пѣснью каждый домъ и храмъ;
Мать, отецъ, вдова съ мольбою
Пепель въ урну соберутъ,
И молитвы ихъ герою
Миръ въ странѣ тѣней дадутъ.

„О Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
Здѣсь во прахъ главу склонялъ;
Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ,
Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
Руку, слезъ твоихъ причину....
Ахъ, не сѣтуй; гласъ небесъ
Намъ одну изрекъ судьбину:
И меня постигъ Зевесъ.

„Близокъ часъ мой; роковая
Приготовлена стрѣла;
Парка, жребію внимая,
Дни мои ужъ отвила;
И скрываютъ врата Аида,
И вѣщаетъ грозный гласъ:
Все свершилось для Пелида;
Факель дней его угасъ.

„Вѣрный другъ мой взять могилой;
Брата бой меня лишилъ —
Въ слѣдъ за нимъ съ земли унылой
Удалится и Ахиллъ.
Такъ судилъ мнѣ Рокъ жестокой:
Я паду въ веснѣ моей
На чужомъ берегу, далѣко
Отъ Пелеевыхъ очей.

„Ахъ, и сердце запрещаетъ
Долъ жить въ земномъ краю,
Гдѣ ужъ другъ не улаждаетъ
Душу сирую мою.
Гекторъ палъ—его паденьемъ
Тѣнь Патрокла я смирилъ;
Но себѣ за друга мщеньемъ
Путь къ Тенару проложилъ.

„Ты не жди, Менетій, сына;
Не придетъ онъ въ отчій домъ....
Здѣсь Эгейская пучина
Предъ его шумить холмомъ;
Спитъ онъ.... смерть сковала длани,
Позабылъ ко славы путь;
И призывный голосъ брани
Не вздымаетъ хладну грудь.

„И Ахиллъ не возвратится;
Въ домъ отчемъ пустота
Скоро, скоро водворится....
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани—
Ты Ахилла будешь ждать,
И чертогъ свой въ новы ткани
Для приѣма убирать;

„Будешь съ берега уныло
Ты смотрѣть—въ пустой дали
Не бѣлѣть ли вѣтрило,
Не плывутъ ли корабли?
Корабли придутъ отъ Трои —
А меня ни на одномъ;
Тамъ, гдѣ бился Геронъ,
Буду спать—и вѣчнымъ сномъ.

„Тщетно, смертною борьбою
Мучимъ, будешь сына звать,
И хладѣющей рукою
Вкругъ себя его искать —
Съ милымъ свѣтомъ разлученья
Гласъ его не усладить,
И на брегъ воды забвенья
Зовъ отца не долетитъ.

„Край отчизны, свѣтлы воды,
Очарованны мѣста,
Миртъ, оливъ пріютны своды,
Пышныхъ доловъ красота,
Разцвѣтайте, украшайтесь,
Какъ и прежде, тишиной;
Какъ и прежде, оглашайтесь
Кликомъ радости одной;

„Но Патрокла и Ахилла
Никогда вамъ не видать!
Воды Сперхія, сушила
Вамъ рука моя отдать
Кудри съ юныя, отъ брани
Уцѣлѣвшія главы....
Всѣ Патроклу въ даръ, и дани
Ужъ моей не ждите вы.

„Кони быстрые, изъ боя
(Тайный Рокъ васъ удержалъ)
Вы не вынесли героя —
И на щитъ отъ мертвый палъ;
Кони бодрые, ретивы,
Чтожь теперь такъ мрачны вы?
По землѣ влачатся гривы;
Наклонились главы;

„Позабыта пища вами;
Груды мощныя дрожать;
Слышу стонъ вашъ, и слезами
Очи гордыя блестятъ.
Знать Ахилловъ предъ собою
Зрите вы послѣдній часъ;
Знать внушенъ былъ вамъ Судьбою
Мнѣ конецъ вѣщавшій гласъ....

„Скоро!... лукъ свой натягаетъ,
Неизбѣжный Аполлонъ,
И пришельца ожидаетъ
Къ Стиксу черному Харонъ.
И Патроклъ съ береговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Легкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ.

„Какъ Зефирово дыханье,
Онъ провѣялъ надо мной;
Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной;
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки,
И слѣды минувшихъ слезъ....
Я простеръ ко брату руки....
Онъ во мглѣ пустой исчезъ!...

„Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ;
Брегъ увидитъ незнакомый,
И зеленый холмъ на немъ;
Кормщикъ юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ —
„Вотъ Ахилловъ гробъ! (онъ скажетъ)
„Тамъ вблизи былъ Грековъ станъ.

„Тамъ, ужасный, на оградѣ
„Намъ явился онъ въ ночи —
„Нестерпимый блескъ во взглядѣ,
„Съ шлема грозные лучи —
„И трикраты звучнымъ крикомъ
„На врага онъ грянулъ страхъ,
„И Троянецъ съ блѣднымъ ликомъ
Бросилъ щитъ и мечъ во прахъ.

„Тамъ Атриду давъ десницу,
„Съ нимъ союзъ запечаталъ;
„Тамъ гремѣщій, въ колесницу
„Прянувъ, къ Троѣ полетѣлъ;
„Тамъ по праху за собою
„Тѣло Гекторово мчалъ,
„И на трепетную Трою
„Взглядомъ мщенья сверкалъ!“

„И сойдешь на брегъ священный
Съ корабля Неоптолемъ,
Чтобъ на холмъ уединенный
Положить и мечъ и шлемъ;
Вкругъ ужъ пусто.... смолкли бои;
Тихи Ксантъ и Симоисъ;
И уже на горахъ Трои
Шющъ и терніе свились.

„Обойдешь равнину брани....

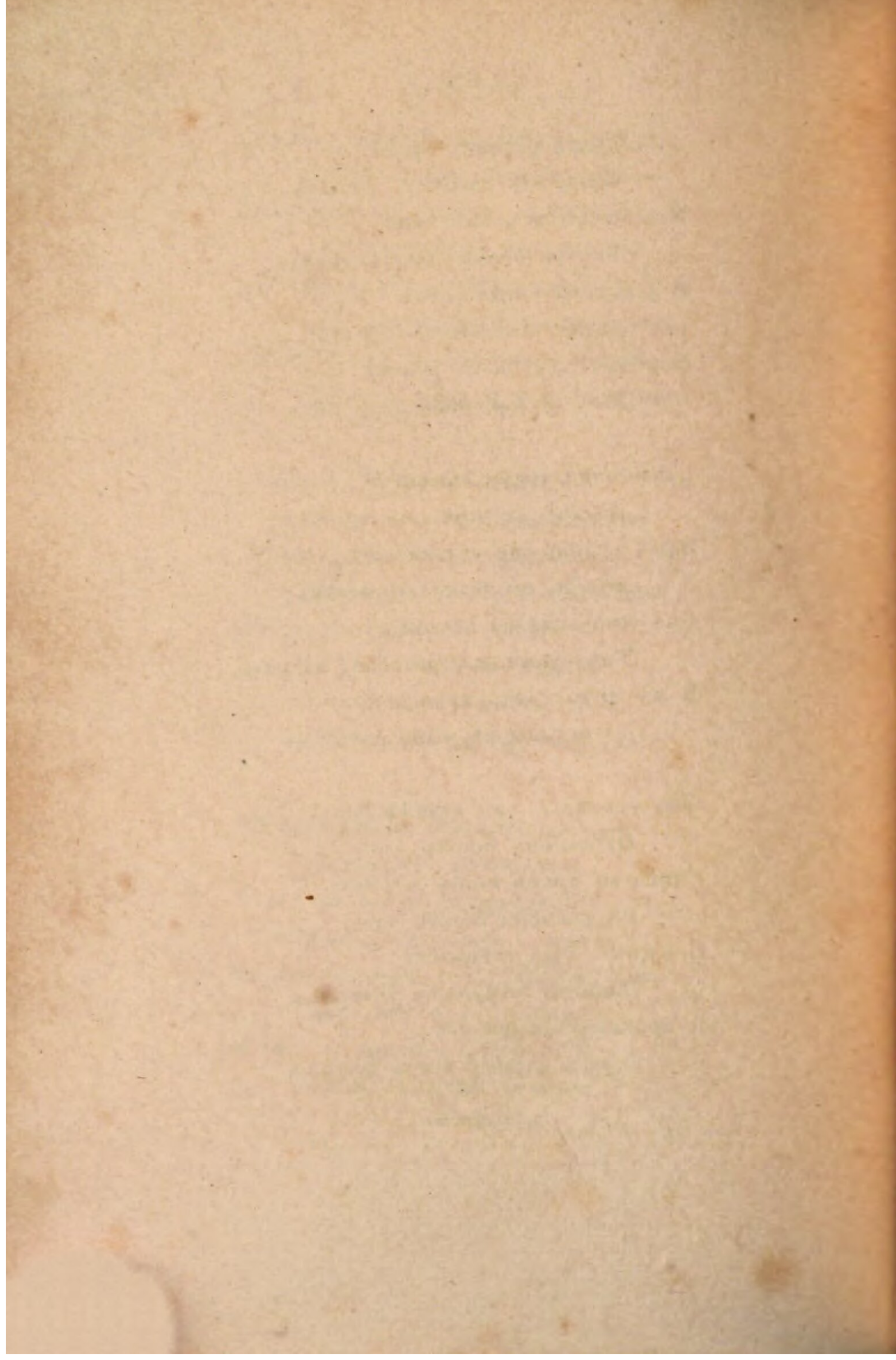
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ сталятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ;
И услышишь надъ собою

Двухъ невидимыхъ полеть....
Это мы.... рука съ рукою....
Мы, друзья минувшихъ лѣтъ.

„Вспомни тогда Ахилла:

Быстро въ міръ онъ протекъ;
Здѣсь судьба ему сулила
Долгій, но безславный вѣкъ;
Онъ мгновеніе со славой,
Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
И на друга трупъ кровавой,
До могилы вѣрный, палъ.“—

Онъ умолкъ.... въ туманѣ Ида;
Отуманенъ Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ;
И курясь, едва сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ;
И протяжно окликаетъ
Стража стражу близъ шатровъ.

**ДВѢНАДЦАТЬ
СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.**

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ДВУХЪ БАЛЛАДАХЪ.

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей....
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнью повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала —
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что Рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и Жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждъ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра —
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленіе въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благахъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВНЪ

ВОЕЙКОВОЙ.

Моиxъ стиховъ желала ты —
Желанье исполняю;
Тебѣ досугъ мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вотъ повѣсть прадедовскихъ лѣтъ.
Еще жъ—одно желанье:
Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,
Сердечъ очарованье;
Печаль по слуху только знай;
Будь радостію свѣта;
Моиxъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта.

БАЛЛАДА ПЕРВАЯ.

ГРОМОВОЙ.

**Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister;
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf.**

SCHILLER.

ГРОМОБОЙ.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой,
Сидѣлъ одинъ съ кручиной;
Окрестъ него дремучій боръ;
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подернуть мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракъ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшею главой,
И думаетъ онъ думу:
„Печальный, горькій жребій мой!
Клянусь судьбу угрюму;
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть;
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь —
А мнѣ сума награда;
Нѣтъ крова защититъ главу
Отъ бури, непогоды....
Усталъ я, въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды.“

Готовъ онъ прыгнуть съ крутизны....
И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ темной бора глубины
Выходить привидѣнье,
Старикъ съ щетинистой бородой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу сомкнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идетъ, приблизился, грозить
Клюкою Громобою....
И тотъ, какъ вкопанный, стоитъ,
Зря диво предъ собою.

— Куда? невѣдомый спросилъ. —

„Въ волнахъ скончать мученья.“

— Почто жъ, безсмысленный, забылъ

Во мнѣ искать спасенья? —

„Кто ты? воскликнулъ Громобой,

Отъ страха цѣпенѣя.“

— Заступникъ, другъ, спаситель твой:

Ты видишь Асмодея. —

„Творецъ небесный!“ — Удержись!

Въ молитвѣ нѣтъ отрады;

Забудь о Богѣ — мнѣ молись;

Мои вѣрныя награды.

— Прими отъ дружбы, Громобой,

Полезное ученье:

Постигнуть ты судьбы рукой,

И жизнь тебѣ мученье;

Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ

Я способы имѣю;

Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ —

Прибѣгни къ Асмодею.

Могу тебѣ я силу дать,

И честь и много злата,

И грудью буду я стоять

За друга и за брата.

— Клянусь.... свидѣтель адскій богъ,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу. —
Невольно вздрогнулъ Громобой,
По плечамъ хладъ стремится;
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься.
— О чемъ задумался, глупецъ? —
„Страшусь мученій ада.“
— Но рано ль, поздно ль.... наконецъ
Все адъ твоя награда.

— Тебѣ на свѣтъ жить — бѣда;
Покинуть свѣтъ — другая;
Останься здѣсь — поди туда —
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ — бредни; весель адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

— Тебѣ я теремъ пышный дамъ,
И тму людей на службу;
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ —
Придутъ къ тебѣ толпою;
И словомъ — вздумалъ, загадалъ,
И все передъ тобою.
И вотъ въ задатокъ кошелѣкъ:
Въ немъ вѣчно будетъ злато.
Но десять лѣтъ — не болѣ — срокъ
Тебѣ такъ жить богато.

— Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
Исчезнетъ за горою;
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою. —
Сталъ думу думать Громобой,
Подумалъ, согласился,
И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье;
Лукавый принялъ — и пропалъ,
Сказавши: до свиданья!

И вышелъ въ люди Громобой—
Откуда что взялося!
И счастье на него рѣкой
Съ богатствомъ полилося;
Какъ княжескій разубранъ домъ;
Подвалы полны злата;
Съ заморскимъ выходы виномъ;
И рѣдкостей палата;
Пиры—хоть постъ, хоть мясоѣдъ;
Музыка роговая;
Для всѣхъ—чужихъ, своихъ—обѣдъ,
И чаша круговая.

Возможно все въ его очахъ,
Всею онъ повелитель:
И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,
И хищникъ и грабитель.
Двѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ
Изъ отческой ихъ сѣни;
Презрѣлъ невинныхъ жалкій стонъ
И родственниковъ пѣни;
И въ годъ двѣнадцать дочерей
Имѣлъ отъ обольщенныхъ;
И былъ ужъ чуждъ своихъ дѣтей
И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щитомъ
 Былъ Ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань— Божій домъ,
 Смиренія обитель.
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
 Сокрылъ ихъ съ матерями:
Да славятъ Вышняго Царя
 Невинныхъ устъ мольбами.
И горней благодати сѣнь
 Была надъ ихъ главою;
Какъ вешній ароматный день,
 Цвѣли онъ красою.

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
 До юности златая,
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
 Лишь подвиги благіе;
Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,
 Стекалися во храмъ;
На клиросъ, предъ алтаремъ,
 Кадильницъ въ ѳиміамъ,
Въ священной литургіи часъ,
 Ихъ слышалось пѣнье —
И сладкій непорочныхъ гласъ
 Внимало Провидѣнье.

И слезы нѣжныхъ матерей
Съ молитвой ихъ сливались,
Когда во храмъ близъ мощей
Онѣ распростирались.
„О! дай имъ кровь, небесный Царь;
(То было ихъ моленье)
Да будетъ твой святой алтарь
Незлюбныхъ душъ спасенье;
Покинулъ ихъ родной отецъ,
Давъ бѣднымъ жизнь постылу;
Но призри Ты сиротъ, Творецъ,
И грѣшника помилуй....“

Но вотъ.... насталъ десятый годъ;
Уже онѣ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льётъ:
Всему онѣ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, доли;
И пахарь веселъ надъ сохой,
И счастья полны сѣлы;
Не зрить лишь онѣ златой весны:
Его померкли взоры;
Въ туманъ для нихъ погребены
Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ —

„Прости, гласить, денница.“

Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ —

„Прости, весны пѣвица. . . .

Прости, и мирные лѣса,

И нивы золотыя,

И неба свѣтлая краса,

И радости земныя.“

И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;

Къ себѣ ихъ призываетъ;

И мнитъ: онъ Творца смягчать;

Невиннымъ Богъ внимаетъ.

И вотъ. . . . насталъ послѣдній день;

Ужъ солнце за горою;

И стелется вечерня тѣнь

Прозрачной пеленою;

Ужъ сумракъ. . . . смерклося. . . . вотъ луна

Блеснула изъ-за тучи;

Легла на горы тишина;

Утихъ и лѣсъ дремучій;

Рѣка сравнялась въ берегахъ;

Зажглись свѣтила ночи;

И сонъ глубокій на поляхъ;

И близокъ часъ полночи. . . .

*

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищеть Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призывалъ —
Сердца ихъ близки раю —
„Увы! молитесь, (вопіялъ)
Молитесь, погибаю!“
Младенца внятень небу стонъ:
Невинныя молились;
Но вдругъ.... на нихъ находятъ сонъ....
Замолкли.... усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность какъ могила;
Вотъ.... каркнулъ воронъ на стѣнѣ;
Вотъ.... стая псовъ завывла;
И вдругъ.... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась; боръ реветъ;
И мчится прахъ летучій.
Увы!.... послѣдній страшный бой
Оттрянуль за горами....
Гуль тише.... смолкъ.... и Громобой
Зреть бѣса предъ очами.

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
Сокрылся за горою;

Ты слышалъ: билъ послѣдній часъ;

Пришелъ я за тобою. —

„О! дай, молю, хоть малый срокъ;

Терзаюсь, адъ ужасенъ.“

— Свершилось! неизбѣженъ рокъ.

И поздный вопль напрасенъ. —

„Минуту!“ — Слышишь? Цѣпь звучить. —

„О страшный часъ! помилуй!“

— И гробъ готовъ, и саванъ сшить,

И роютъ ужъ могилу.

— Заутра день взойдетъ во мглѣ:

Подымутся стенанья;

Увидятъ трупъ твой на столѣ,

Недвижный, безъ дыханья;

Кадиль и свѣчь въ дыму густомъ,

При тихомъ ликомъ пѣньѣ,

Тебя запрутъ въ подземный домъ

Навѣки въ заточенье;

И страшно заступъ застучить

Надъ кровлей гробовою;

И тихо клыръ провозгласить:

Усопшій, миръ съ тобою!

—И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжанье!
Но время.... идутъ.... часъ приспѣлъ.
Внимай ихъ завыванье;
Стеклись.... призывный слышу кличъ....
Ихъ челюсти зѣютъ;
Смола клокочетъ.... свищетъ бичъ....
Оковы разжигаютъ. —
„Спаситель-Царь, вонми слезамъ!“
—Напрасное моленье!—
„Увы! позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье,“

Младенцевъ спящихъ видить бѣсъ —
Сверкнули страшно очи!
—Лишить ихъ царствія небесъ,
Предать ихъ адской ночи....
Вотъ слава! мнѣ возплещетъ адъ
И съ гордымъ Сатаною. —
И усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобою:
—Я внялъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, нѣ въ адъ сей часъ
На скорби и мученья.

—Продай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году. —
„Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!“
—Ты медлишь? Приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части развлеките!—
И вдругъ отсюда крикъ и стонъ,
Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
И тма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ;
Бѣгутъ, гремятъ цѣпами,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверстыми когтями.
И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопить: „страшный врагъ, постой!
Постой, готовы жертвы!“
И скрылись всѣ. Онъ будить чадъ....
Онъ пишетъ ихъ рукою....
О страхъ! свершилось.... плещетъ адъ
И съ гордымъ Сатаною.

Ты казнь отстрочилъ, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
Но жить, погибнувши душой—
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодѣй,
Въ болѣзни ожиданья;
Веселья нѣтъ душѣ твоей,
И нѣтъ ей упованья;
Увы! и красный Божій міръ,
И жизнь ему постылы;
Онъ въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сиръ;
Онъ вживѣ снѣдь могилы.

Напрасно вѣетъ вѣтерокъ
Съ душистыя долины;
И свѣтъ луны сребритъ потокъ
Сквозь темныя липы вершины;
И ласточка зари восходъ
Встрѣчаетъ щебетаньемъ;
И роща въ тѣнь свою зоветъ
Листочковъ трепетаньемъ;
И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ
Съ пастушьими рогами
Вечерній мракъ животворятъ,
Теряясь за холмами...

Его досель свѣтлый домъ
Ужъ сумрака обитель.
Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Пировъ веселыхъ зритель,
Не пьетъ кипящаго вина
Изъ чаши круговья....
И страшенъ день; и ночь страшна;
И тѣни гробовыя
Онъ всюду слышитъ грозный вой;
И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой;
И сонъ забыли очи.

И тмы лѣсовъ страшится онъ:
Тамъ бродить привидѣнье;
То чудится полночный звонъ,
То погребально пѣнье;
Страшитъ его и бури свистъ,
И грозныхъ тучъ молчанье,
И съ шорохомъ падающій листъ,
И рощи содроганье.
Прокатится ль по небу громъ —
Блѣднѣетъ; дыбомъ волосъ;
„То мститель, посланъ Божествомъ;
То казни страшный голосъ.“

И видъ прелестный юныхъ чадъ
Ему не наслажденье.
Ихъ милый, чувства полный взглядъ,
Спокойствіе, смиренье,
Краса-веселіе очей,
И гласа нѣжны звуки,
И сладость ласковыхъ рѣчей
Его сугубить муки.
Какъ роза-благовонный цвѣтъ
Подъ сѣнію надежной,
Онъ цвѣтутъ: имъ скорби нѣтъ;
Ихъ сердце безмятежно.

А онъ?... Преступникъ.... онъ, въ тоскѣ
На нихъ подьема очи,
Отверзту видить вдаль
Пучину адской ночи.
Онъ плачетъ; онъ судьбу клянетъ;
„О милыя творенья,
Какой васъ лютый жребій ждетъ!
И гдѣ искать спасенья?
Напрасно вамъ дана краса;
Напрасно сердцу милы;
Закрѣтъ вамъ путь на небеса;
Цвѣтете для могилы.

„Увы! пора любви придетъ:

Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ украсить Божій свѣтъ,

Вамъ милаго покажетъ;

И взоръ наполнится тоской,

И тихимъ грудь желаньемъ,

И, распаленная душой,

Влекомы ожиданьемъ,

Для васъ взоидетъ краснѣе день,

И будетъ лугъ душистѣй,

И сладостнѣй дубравы тѣнь,

И птичка голосистѣй.

„И дни блаженства не придутъ;

Страшитесь милой встрѣчи;

Для васъ не брачныя зажгутъ,

А погребальны свѣчи.

Не въ Божій, гимновъ полный, храмъ

Пойдете съ женихами....

Ужасный гробъ готовятъ вамъ;

Прокляты небесами.

И нашъ удѣлъ тоска и стонъ

Въ обителяхъ геэнны....

О грозный жребія законъ,

О жертвы драгоцѣнны!“...

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
Въ душевномъ сокрушеньѣ,
И мнитъ—самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Въ раскаяньи спасенье.
Возносятся предъ вышній тронъ
Преступниковъ стенанья. . . .“
И домъ свой обращаетъ онъ
Въ обитель покаянья:
Да странникъ тамъ найдетъ покой,
Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снѣдь, больной
Спасенье отъ недуга.

Съ утра до ночи у воротъ
Служитель на сторожѣ;
Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зовѣтъ:
„Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе.“
И вотъ уже изъ всѣхъ краёвъ,
Влекомыя молвою,
Идутъ толпы сиротъ и вдовъ
И нищихъ къ Громобою;
И всѣхъ приѣмлетъ Громобой
Всѣмъ дань его готова;
Онъ щедрой злато льетъ рукой
Отъ имени Христова.

И Божій онъ воздвигнулъ домъ;
Подобье свѣтла рая,
Обитель иноковъ при нёмъ
Является святая;
И въ той обители святой,
Отъ братіи смиренной
Увѣчный, дряхлый, и больной,
И скорбью убіенный
Пріемлютъ, именемъ Творца,
Отраду, изцѣленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнають Провидѣнье.

И славный мастеръ призванъ былъ
Изъ города чужаго;
Онъ въ храмъ ликъ изобразилъ
Угодника святаго;
На той Иконѣ Громобой
Былъ видимъ съ дочерями,
И на молящихся Святой
Взиралъ любви очами.
И день и ночь огонь пылалъ
Предъ образомъ въ лампадѣ:
Въ златомъ вѣнцѣ алмазь сіялъ,
И перлы на окладѣ.

И въ часъ, когда рѣдѣтъ тѣнь,
Еще дубрава дремлетъ,
И воцаряющійся день
Полнеба лишь объемлетъ;
И въ часъ вечерней тишины —
Когда вездѣ молчанье,
И свѣчи, въ храмъ возжены,
Льютъ тихое сіянье —
Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
Предъ образомъ смиренно
Разпростирался Громобой,
Веригой отягченной....

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
Въ долину вешни воды —
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы.
Ужъ время съ годомъ десять лѣтъ
Невидимо умчало;
Послѣдняго двухъ третей нѣтъ —
И будто не бывало;
И нѣкій неотступный гласъ
Вѣщаетъ Громобою:
Всему конецъ! твой близокъ часъ!
Цогибель надъ тобою!

И вотъ.... недугъ низринулъ злой
Его на одръ мученья.
Разтерзанъ лютою рукой,
Не чая изцѣленья,
Всечасно предъ собой онъ зрять
Отверзту дверь могилы;
И у возглавія сидить
Надъ нимъ призракъ унылый.
И нѣтъ ужъ силъ ходить во храмъ
Къ Иконѣ чудотворной—
Лишь взоръ онъ мечетъ къ небесамъ,
Молящій, но покорной.

Увы! ужъ и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;
Сквозь темную дубравы сѣнь
Блистанье проникаетъ;
Все тихо, весело, свѣтло;
Все нѣгой сладкой дышетъ;
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
Едва, едва колышетъ
Листами легкій вѣтерокъ;
Въ поляхъ благоуханье;
Къ цвѣтку прилипнулъ мотылёкъ
И пѣть его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
Со стономъ и слезами.

„О рано ты, ночная тѣнь,
Разсталась съ небесами!

Стекитесь, дѣти, одръ отца
Съ молитвой окружите,

И предъ судилище Творца
Стенанія пошлите.

Ужасенъ намъ сей ночи мракъ;

Взывайте: Искупитель,

Смягчи грозящій гнѣва зракъ;

Не будь намъ строгій Мститель!“

И страшнаго одра кругомъ —

Гдѣ блѣденъ, изможденный,

Съ обезображеннымъ челомъ,

Всѣ кости обнаженны,

Брада до чреслъ, власы горой,

Взоръ дикій, впалы очи,

Вопилъ отъ муки Громобой

Съ утра до поздней ночи —

Стеклися дѣвы, ясный взоръ

На небо устремили,

И въ тихій къ Провидѣнью хоръ

Сердца совокупили.

О видъ, угодный небесамъ!
Такъ Ангелы спасенья,
Вонми раскаянья слезамъ,
Съ улыбкой примиренья,
Въ очахъ отрада и покой,
Отъ горняго чертога
Низходятъ съ милостью святой,
Предшественники Бога,
Къ одру болѣзни въ смертный часъ....
И, утомленъ страданьемъ,
Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
Отыди съ упованьемъ!

И дѣвы, чистыя душой,
Подъемля къ небу руки,
Смиреной мыслили мольбой
Отца споконть муки;
Но ужасъ близкаго конца
Надъ нимъ уже носился;
Языкъ коснѣющій Творца
Еще молить стремился;
Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
Сіянія денницы....
Но взоръ недвижный угасалъ,
Смыкалися зѣнницы.

„О дѣти, дѣти, гаснетъ день.“

—Нѣтъ, утро; лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна тѣнь
По долу протянулась;
И нивы пусты.... въ высотѣ
Лишь жаворонокъ вьется. —
„Увы! завтра въ красотѣ
Опять сей день проснется!
Но мы.... ужъ скрылись отъ земли;
Уже насъ гробъ снѣдаетъ;
И мѣсто, гдѣ поднесъ цвѣли,
Насъ боль не признаетъ.“

„Несчастныя, дерзну ль на васъ
Изрѣчь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу;
Молитесь, воззовемъ къ Творцу:
Разгнѣванный, помилуй!“
И дѣти, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: помилуй!

„О дѣти, дѣти, ночь близка.“

Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
Со стадомъ отдыхаетъ;
Молчать поля; въ долинь сонъ;
Пылаетъ небо знойно. —

„Мнѣ чудится надгробный стонъ.“

—Все тихо и спокойно;
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
Подъемлясь съ поля, дуетъ;
Лишь иволга въ глуши лѣсной
Повременно воркуетъ. —

„О дѣти, свѣтлый день угасъ.“

—Ужъ солнце за горою;
Ужъ по закату разлилась
Багряною струёю
Заря, и съ пламенныхъ небесъ
Спокойный вечеръ сходить,
На заревъ чернѣетъ лѣсъ,
Въ долинь сумракъ бродить. —

„О вечеръ сумрачный, постой!

Помедли, день прелестной!
Помедли, взоръ не узреть мой
Тебя ужъ въ поднебесной!...

„О дѣти, дѣти, ночь близка.“

—Заря ужь догорѣла;

Въ туманъ одѣлася рѣка;

Окрестность поблѣднѣла;

И на распутии пылятъ

Стада, спѣша къ селенію.

„Спасите! полночь бѣеть!“—Звонятъ

Въ обители къ моленью:

Отцы поютъ хвалебный гласъ;

Огнями храмъ блистаетъ. —

„При нихъ и грѣшникъ въ страшный часъ

Къ тебѣ, Творецъ, взываетъ!....

„Не тмится ль, дѣти, неба сводъ?

Не мчатся ль черны тучи?

Не вздуль ли вихорь бурныхъ водъ?

Не вьется ль прахъ летучій?“

—Все тихо.... служба отошла;

Обитель засыпаетъ;

Луна полнеба протекла;

И Божій храмъ сіяетъ

Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;

Луга, поля безмолвны;

Огни потухнули въ селѣ;

И рощи спятъ и волны. —

И всюду тишина была;
И вся природа, мнилось,
Предустрешенная ждала,
Чтобъ чудо совершилось....
И вдругъ ... какъ будто вѣтерокъ
Повѣялъ отъ востока,
Чуть тронулъ дремлющій листокъ,
Чуть тронулъ зыбь потока....
И нѣкій гласъ промчался съ нимъ....
Какъ будто надъ звѣздами
Коснулся арфы Серафимъ
Эфирными перстами.

И тихо, тихо Божій храмъ
Отверзся.... Неизвѣстной
Явился старецъ дѣвъ очамъ;
И ликъ красы небесной,
И кротость благодѣльныхъ очей
Раждали упованье;
Одѣянъ ризою лучей,
Окрестъ главы сіянье,
Онъ не касался до земли
Въ воздушномъ приближеньѣ....
Предъ нимъ незримыя текли
Надежда и Спасенье.

Сердца ихъ ужасъ обуялъ....

„Кто сей, во славѣ зримый?“

Но близъ одра уже стоялъ

Пришлецъ неизъяснимый.

И къ двамъ прикоснулся онъ

Полой своей одежды:

И тихій во мгновенье сонъ

На ихъ простерся вѣжды.

На искаженный старца ликъ

Онъ кинулъ взглядъ укора:

И трепеть въ грѣшника проникъ

Отъ пламеннаго взора.

„О! кто ты, грозный сынъ небесъ?

Твой взоръ мнѣ наказанье.“

Но страшный строгостью очесъ

Пришлецъ хранить молчанье....

„О дай, молю, твой слышать гласъ!

Одно надежды слово!

Грядетъ неотразимый часъ!

Событіе готово!“

—Вы ликъ во храмъ чтли мой;

И въ томъ изображеньѣ

Моя десница надъ тобой

Простерта во спасенье. —

„Ахъ что жъ Могущій повелѣлъ?“

—Надѣйся и страшися.—

„Увы! какой насъ ждетъ удѣлъ?

Что жребій ихъ?“—Молися.—

И, руки положивъ крестомъ

На грудь изнеможенну,

Предъ неиспытаннымъ Творцомъ

Молитву сокрушенну

Умолкшій проліялъ въ слезахъ;

И тяжело грудь дышала,

И въ призывающихъ очахъ

Вся скорбь души сіяла....

Вдругъ началъ тмѣться неба сводъ—

Мрачнѣе и мрачнѣе;

За тучей грозною ползѣтъ

Другая вслѣдъ грознѣе;

И страшно сшиблись надъ главою;

И небо за клубилось;

И вдругъ.... повсюду съ черной мглой

Молчанье воцарилось....

И близокъ часъ полночи былъ....

И ризою святою

Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,

Отступника десною.

И, устремленны на востокъ,
Горѣли старца очи....
И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубокъ,
Въ пучинѣ черной ночи,
Завылъ протяжно вѣщій бой—
Окрестность съ нимъ завывала;
Вдругъ.... страшной молнія струёй
Сводъ неба раздвоила,
По тучамъ вихорь пробѣжалъ,
И съ сильнымъ грома трескомъ,
Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталъ,
Одѣянъ адскимъ блескомъ.

И змѣи въ пламенныхъ власахъ—
Клубясь, шипятъ и свищутъ;
И радость злобная въ очахъ—
Кругомъ, сверкая, рыщутъ;
И тяжелой цѣпью онъ гремѣлъ—
Увлечь добычу льстился;
Но старца грознаго узрѣлъ—
Утихнулъ и смирился;
И вмигъ гордыни блескъ угасъ;
И, смутень вопрошаетъ:
—Что, мощный врагъ, тебя въ сей часъ
Къ симъ падшимъ призываетъ?—

„Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой.“

— Они мое стяжанье. —

„Передъ Небеснымъ Судіей

Всесильно покаянье.“

— И часъ суда Его притекъ:

Ихъ жребій совершился. —

„Еще ко Благости не рѣкъ

Онъ въ гнѣвъ: удалися!“

— Онъ правъ—и я владыка имъ. —

„Онъ благъ—я ихъ хранитель.“

— Исчезни! адъ неотразимъ. —

„Отвѣтствуй, Искупитель!—

И громъ съ востока полетѣлъ;

И бездну тучъ трикраты

Разсѣкъ браздами яркихъ стрѣлъ

Перунъ огнекрылатый;

И небо съ края въ край зажглось,

И возстеноло въ страхъ;

И дрогнула земная ось....

И, воющій во прахъ,

Творца грядуща слышитъ бѣсъ;

И молится Хранитель....

И сталь на'высотѣ небесъ

Средь молній Ангель-мститель.

„Гряду! и вѣчный Божій судъ
Несетъ моя десница!
Мнѣ казнь и благодѣть предтекутъ....
Во прахъ, чадоубійца!“
О всемогущество словесъ!
Уже отступникъ тлѣнъ;
Потухъ послѣдній свѣтъ очесъ;
Въ костяхъ оцѣпенѣнъ;
И ликъ кончиной искаженъ;
И сердце охладѣло;
И отъ сомкнувшихся устенъ
Дыханье отлетѣло.

„И праху обладатель адъ,
И гробу отверженъ,
Доколь на погубленныхъ чадъ
Не снидетъ искупленъ,
И чадамъ непробудный сонъ;
И тотъ, кто чистъ душою,
Кто, ихъ не зрѣвши, распалѣнъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель;
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель.“

„И будутъ спать: и къ нимъ вѣка
Въ полетѣ не коснутся;
И пройдетъ тлѣнія рука
Ихъ мимо; и проснутся
Съ неизмѣнившейся красой
Для жизни обновленной;
И низойдетъ тогда покой
Къ могила̃ искупленной;
И будетъ миръ въ его костяхъ;
И претворенный въ радость,
Творца постигнувъ въ небесахъ,
Речетъ: Господь есть Благость!“...

Ужъ вѣстникъ утра въ высотѣ;
И слышенъ громкій пѣтель;
И день въ воздушной красотѣ
Летитъ, какъ радость, свѣтель....
Узрѣли дѣвѣ, объятыхъ сномъ,
И старца трупъ узрѣли;
И мертвый етрашенъ былъ лицомъ
Глаза, не зря, смотрѣли;
Какъ будто страдающъ, прижималъ
Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
И на устахъ его роуталъ,
Казалось, голось муки.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
Невидимо крылами
Ихъ тихій Ангелъ облачилъ;
И райскими мечтами
Чудесный былъ исполненъ сонъ;
И сладкимъ ихъ дыханьемъ
Окрестъ былъ воздухъ растворёнъ
Какъ розъ благоуханьемъ;
И разцвѣтали ихъ уста
Улыбкою прелестной,
И ихъ являлась красота
Въ спокойствіи небесной.

Но вотъ—ужъ гробъ одѣтъ парчой;
Отверзлася могила;
И слышенъ колокола вой;
И тѣплются кадила;
Идутъ и старъ и младъ во храмъ;
Подъемлется рыданье;
Даютъ безчувственнымъ устамъ
Послѣднее лобзанье;
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ;
И взять ужъ гробъ землёю;
И ликъ воспѣлъ: усоншій братъ,
Навѣки миръ съ тобою!

И вотъ—и старъ и младъ пошлѣ
Обратно въ домъ печали;
Но вдругъ предъ ними изъ земли
Вкругъ дома грозно встали
Гранитны стѣны—верхъ зубчатъ,
Бока одѣты лѣсомъ —
И, сгрянувшись, затворы вратъ
Задвинулись утесомъ.
И вспять погналъ пришельцевъ страхъ;
Бѣгутъ, не озираясь;
„Небесный гнѣвъ на сихъ стѣнахъ!“
Вѣщаютъ, содрогаясь. — —

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей заустѣнья;
Поля покрылъ дремучій боръ;
Разсыпались селенья.
И человѣчій гласъ умолкъ —
Лишь филинъ на утесѣ,
И въ ночь осеннюю гладный волкъ
Тамъ воютъ въ черномъ лѣсѣ;
Лишь дико межъ сѣдыхъ береговъ,
Спираема корнями
Изрытыхъ бурею дубовъ,
Рѣка клубить волнами.

Гдѣ древле окружала храмъ
Отшельниковъ обитель,
Тамъ грозно свищетъ по стѣнамъ
Змѣя, развалинь житель;
И гимнь по сводамъ не гремитъ —
Лишь, вѣющій порою,
Пустынный вѣтеръ шевелитъ
Въ развалинахъ травою;
Лишь, отторгаясь отъ стѣнъ,
Катятся камни съ шумомъ,
И гулъ, на время пробуждень,
Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.

И на туманистомъ холмѣ
Могильный зрится камень:
Надъ нимъ всегда въ полночной тмѣ
Сіяетъ блѣдный пламень.
И крестъ поверженный обвить
Листами павилики:
На немъ угрюмый вранъ сидитъ,
Могила сторожъ дикій.
И все, какъ мертвое окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ,
Ни птица не промчится.

Но полночь лишь сойdetъ съ небесъ —
Вранъ черный вострепечетъ,
Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
Могилы потрясется;
И видима бродяща тѣнь
Тогда въ пустынь ночи:
Какъ блѣдный на туманъ день
Ея сіяютъ очи;
То взоръ возводитъ къ небесамъ,
То, съ видомъ тяжелой муки,
Къ непроницаемымъ стѣнамъ
Моля подъемлетъ руки.

И въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
Молчаніе могилы;
Окрестъ ихъ мглою покровень,
Сѣдѣтъ лѣсъ унылый:
Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листахъ,
Не слышно водъ журчанья,
Ни благовонія въ цвѣтахъ,
Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья.
И дѣвы спятъ—ихъ сонъ глубокъ;
И жребій искупленья,
Безвѣстно, близокъ или далѣкъ;
И нѣтъ имъ пробужденья.

Но въ часъ, когда поля заснуть,
И мглой земля одѣта,
(Между торжественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣта)
Одна изъ спящихъ возстаётъ —
И, странникъ одинокой,
Свой срочный начинаетъ ходъ
Кругомъ стѣны высокой;
И смотритъ въ даль, и ждетъ съ тоской:
„Приди, приди, спаситель!“
Но даль покрыта черной мглой....
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!

Когда жь исполнится луна,
Чреда приходитъ смѣны;
Въ урочный часъ пробуждена,
Одна идетъ на стѣны,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
Встрѣчается, и руку,
Вздохнувъ, пришелицъ даетъ
На долгую разлуку;
Потомъ къ почюющимъ сестрамъ,
Задумчива, отходить,
А та печально по стѣнамъ
Одна до смѣны бродить.

И скоро ль? Долголь?... Какъ узнать?

Гдѣ вѣстникъ искупленья?

Гдѣ тотъ, кто властенъ побѣждать

Всѣ ковы оболъщенья,

Къ прелестной прилѣплень мечтѣ?

Кто могъ бы, чистъ душою,

Небесной вѣренъ красотѣ,

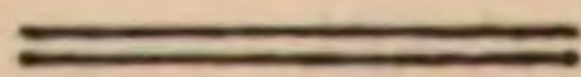
Непобѣдимъ земною,

Все предстоящее презрѣть,

И съ вѣрою смиренной,

Надежды полонъ, въ даль летѣть

Къ наградѣ сокровенной?....

БАЛЛАДА ВТОРАЯ.

ВАДИМЪ.

**Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.**

SCHILLER.

ДМИТРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ

БЛУДОВУ.

Вотъ повѣсти моей конецъ —

И другу посвященье;

Пѣвцу жъ смиренному вѣнецъ

Будь дружбы одобренье.

Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ;

Твой вкусъ былъ мнѣ учитель;

Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,

Какъ тайный вождь-хранитель,

Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ.

Но въ пользу ли услуга?

Не знаю.... Дѣвъ я разбудилъ,

Не усыпить бы друга.

ВАДИМЪ.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
Плѣнялъ всѣхъ красотою,
И дерзкимъ мужествомъ своимъ,
И сердца простотою.
Его утѣха—по лѣсамъ
Скитаться за звѣрями;
Ужасный въпрямъ и волкамъ
Разящими стрѣлами,
Въ осенній хладъ и лѣтній зной
Онъ съ вѣрнымъ псомъ на ловлѣ;
Ему постелей—мохъ лѣсной,
А сводъ небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И, чувства тайного полна,
Душа въ немъ унывала.
„Чего искать? Въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?“
Но все — и тишина въ лѣсахъ,
И быстрыхъ водъ журчанье,
И дня мѣняющійся видъ
На облакъ небесномъ,
Все, все Вадиму говорить
О чемъ-то неизвѣстномъ.

Однажды, ловлей утомлѣнъ,
Близъ Волхова на брегъ
Онъ погрузился въ легкій сонъ....
Струи въ свободномъ бѣгѣ
Шумѣли, по корнямъ древесъ,
Съ плесканьемъ разливаясь;
Душей весны былъ полонъ лѣсъ;
Листочки, развиваясь,
Дышали жизнью молодой;
Все благовонно было....
И солнце съ тверди голубой
Къ холмамъ ужъ низходило.

И къ утру видить сонъ Вадимъ:
Одѣянь рпзой бѣлой,
Предсталъ чудесный мужъ предъ нимъ —
Во взоръ лучъ веселой,
Ликъ важный свѣтель, станъ высокъ,
На сѣдинахъ блистанье,
Въ рукъ серебряный звонокъ,
На персяхъ крестъ въ сіяньѣ;
Онъ шель, какъ будто бы летѣлъ,
И, осѣнивъ перстами,
Благовѣстящими воззрѣлъ
На юношу очами.

„Вадимъ, желанное вдали;
Вѣрь небу; жди смиренно;
Все измѣняетъ на земли,
А небо неизмѣнно;
Стремись, я провожатый твой!“
Сказалъ—и въ тожъ мгновенье
Въ дали явилось голубой
Прелестное видѣнье:
Младая дѣва, ликъ закрыть
Завѣсою туманной,
И на главѣ ея лежитъ
Вѣнокъ благоуханной.

Вздыхая жалобно, рукой
Манило привидѣнье
Идти Вадима за собой....
И юноша въ смятенѣ,
Къ ней, сердцемъ вспыхнувъ, полетѣлъ....
Но вдругъ.... призракъ сокрылся,
Вдали звонокъ одинъ гремѣлъ,
И блѣдный лучъ свѣтился;
И вмѣстѣ съ дѣвою пропалъ
Старикъ въ одеждѣ бѣлой....
Вадимъ проснулся: день сіялъ,
А въ вышинѣ.... звѣнѣло.

Онъ смотритъ въ даль на свѣтлый югъ:
Тамъ ясно все и чисто;
Оттоль черезъ обширный лугъ
Струею серебристой
Катился Волховъ; небеса
Сливались тамъ съ землѣю;
Туда, за холмы, за лѣса,
Мчалъ облака толпою
Летучій, вѣшній вѣтерокъ....
Смятенный, въ ожиданѣ,
Онъ смотритъ, слушаетъ.... звонокъ
Умолкъ—и все въ молчанѣ.

Три сряду утра тотъ же сонъ;
Душа его въ волненьѣ.
„О что же ты, взываетъ онъ,
Прекрасное явленье?
Куда зовешь, волшебный гласъ?
Кто ты, пришлецъ священный?
Ахъ, гдѣ она? Увижу ль васъ?
И сердцу откровенный
Предѣлъ откроется ль очамъ?“...
Но тщетно онъ очами
Летитъ къ далекимъ небесамъ....
Туманъ подъ небесами.

И цѣлый міръ его мечтой
Предъ нимъ оживился.
Востокъ ли свѣжею красой
Денницы золотился —
Ему являлся тамъ покровъ
На образъ прелестномъ.
Дышалъ ли запахомъ цвѣтовъ —
Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье въ даль, любви тоска,
Томленіе разлуки;
И въ каждомъ шумѣ вѣтерка
Звонка призывны звуки.

И онъ, невластный побѣдить
Могущаго стремленья,
Къ отцу и къ матери просить
Идетъ благословенья.

„Куда (печальная въ слезахъ
Сказала мать сыну)?

Въ чужихъ испытывать странахъ
Невѣрную судьбину?

Постой; на родинѣ твоей
Домъ отчій безопасный;
Здѣсь сладостна любовь друзей;
Здѣсь дѣвицы прекрасны;“

—Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ;
Спокой себя, родная;
Меня отъ васъ въ далекій свѣтъ
Ведеть рука святая.

И не задремлетъ ни на часъ
Хранитель постоянный.
Но гдѣ онъ? Чей я слышалъ гласъ?
Кто вождь сей безымянный?
Куда ведетъ? Какой стезей?

Не знаю—и напрасенъ
Въ незнаньи страхъ.... живъ спутникъ мой;
Путь вѣры безопасенъ.—

Надѣвъ на сына крестъ златой,
Отвѣтствуетъ родная:
„Прости, да будетъ надъ тобой
Его любовь святая!“
Снимаетъ со стѣны отецъ
Свои доспѣхи ратны:
„Прости, вотъ мечъ мой кладенецъ,
Мой щитъ и шлемъ булатный.“
Сынъ въ землю матери, отцу;
Цѣлуетъ образъ; плачетъ;
Конь борзый подведенъ къ крыльцу;
Онъ сѣлъ—онъ крикнулъ—скачетъ.....

И пыльный по дорогѣ слѣдъ
Поднялъ конь быстроногой;
Но вотъ уже и слѣду нѣтъ;
И пыль слилась съ дорогой....
Вздохнулъ отецъ; со вздохомъ мать
Пошла въ свою свѣтлицу;
Ей долго ночь въ слезахъ встрѣчать,
Въ слезахъ встрѣчать денницу;
Передъ Владычицей зажгла
Съ молитвою лампаду:
Что бы ему покровъ была,
Чтобъ ей дала отраду.

Вотъ на распутіи Вадимъ.
Весь миръ неизмѣримый
Ему открыть; за нимъ, предъ нимъ
Поля необозримы;
Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край
Невѣдома дорога.
„Что жъ медлишь? Вѣрь—не выбирай;
Впередъ, во имя Бога;
Куда, и какъ привести меня,
То вождь мой знаетъ болѣ.“
Такъ онъ подумалъ—и коня
Пустилъ бѣжать по волѣ.

И добрый конь какъ будто самъ
Свою дорогу знаетъ;
Онъ все на югъ; онъ по полямъ
Путь новый пробиваетъ;
Потокъ ли встрѣтитъ—и въ потокъ;
Лишь только пѣна прыщетъ.
Ко рву ль примчится—разомъ скокъ
Лишь только воздухъ свищетъ.
Заглохъ ли лѣсъ—съ нимъ широка
Дорога въ чащѣ лѣса;
Утесъ ли крутъ—онъ съдока
Стрѣлой на крутъ утеса.

Бѣгутъ за днями дни; Вадимъ
Все далѣ; конь послушный
Не устаётъ; и всюду имъ
Въ пути пріемъ радушный:
Ко граду ль случай заведётъ,
Къ селу ль, къ лачужкѣ ль дымной —
Вездѣ пришельцу у воротъ
Привѣтъ гостепріимной;
Вездѣ заботливо даютъ
Хлѣбъ-соль на подкрѣпленье,
На темну ночь святой пріютъ,
На путь благословенье.

Когда жъ застигнетъ мракъ ночной
Въ лѣсу, или въ полѣ чистомъ —
Нашъ Витязь, щитъ подъ головой,
Спитъ на коврѣ росистомъ
Благоуханной муравы;
Надъ нимъ катяся, сіяютъ
Ночныя звѣзды; вокругъ главы
Младые сны летаютъ;
И конь, не дремля, сторожить;
И къ сторонѣ той, мнится,
И звѣрь опасный не бѣжитъ,
И змѣй приползть боится.

И дни бѣгутъ—вѣсна прошла,

И соловьи отпѣли,

И липа въ рощахъ зацвѣла,

И нивы пожелтѣли.

Вадимъ все далѣ; ужъ предъ нимъ

Широкій Днѣпръ сіяетъ;

Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,

И взоръ его летаетъ

Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:

Здѣсь видитъ лугъ цвѣтущій,

Тамъ златоверхій городъ, тамъ

Близъ водъ рыбачьи кущи.

Однажды—вѣчеръ знойный рдѣлъ

На небѣ; лѣсъ дремучій

Сквозъ пламень зарева синѣлъ,

И громовыя тучи,

Въ слѣдъ за багровою луной,

Съ востока поднимались,

И яркой молніи змѣй

Въ ихъ нѣдрѣ извивались —

Вадимъ вѣзжаетъ въ темный лѣсъ;

Тамъ все въ тѣни молчало;

Лишь трепетаніе древесъ

Грозу предвозвѣщало.

И дичь являлася кругомъ;
Чуть небеса сквозь сѣни
Свѣтили гаснущимъ лучёмъ;
И дерева, какъ тѣни,
Мелькали въ безднѣ темноты
Съ разверстыми вѣтвями.
Вадимъ впередъ—хрустятъ кусты
Подъ конскими ногами;
Вездѣ плетень изъ сучьевъ имъ
Дорогу задвигаетъ....
Но ихъ мечемъ крушитъ Вадимъ,
Конь грудью разрываетъ.

И ѣдетъ онъ ужъ цѣлый часъ;
Вдругъ—жалобные крики;
То пѣжный и молящій гласъ,
То яростный и дикій.
Зажглась въ немъ кровь; на вопли онъ
Сквозь чащу вѣтвей рвется;
Конь пышетъ, лѣсъ трещитъ, и стонъ
Все ближе раздается;
И вдругъ подъ нимъ въ дичи глухой,
Какъ будто изъ тумана,
Чуть освѣщенная луной
Открылася поляна.

И чтожь у Витязя въ глазахъ?
Шумя между кустами,
Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Съ дубиной за плечами,
Огромный великанъ бѣжитъ,
И на рукахъ могучихъ
Красавицу младую мчитъ;
Она въ слезахъ горючихъ,
То силится бороться съ нимъ,
То скорбно вопить къ Богу....
„Стой!“ крикнулъ хищнику Вадимъ,
И заслонилъ дорогу.

Ни слова тотъ на грозну рѣчь;
Какъ бѣшеный отпрянулъ,
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,
Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули какъ жаръ....
Конь легкій отшатнулся,
Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,
И дубъ, треща погнулся;
Вадимъ всей силою меча
Ударилъ въ исполина —
Рука отпала отъ плеча,
И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
Подъ конскими ногами;
Рванулся встать; оцѣпенѣлъ,
И стихъ, грозя очами;
И смерть молчаньемъ заперла
Уста, вопить отверзты;
И, роя землю, замерла
Рука, разинувъ персты.
Спѣшитъ къ похищенной Вадимъ;
Она, какъ листъ, дрожала,
И, сѣвши на коня за нимъ,
Въ слезахъ къ нему припала.

„Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты?
Кто буйный оскорбитель
Твоей дѣвичей красоты?
И гдѣ твоя обитель?“
—Князь Кіевскій родитель мой;
Градъ Кіевъ не далѣко;
Проѣдемъ скоро лѣсъ густой,
Увидимъ брегъ высокой:
Подъ берегомъ тѣмъ кипятъ, шумятъ
Въ скалахъ струи Днѣпровы,
На брегъ томъ и Кіевъ градъ
Позолоченны кровы.

*

—Я тамъ дни мирные вела,
 Не знаясь съ кручиной,
И въ старости отцу была
 Утѣхою единой.
Не въ добрый часъ Литовскій Князь,
 Врагъ церкви православной,
Меня узрѣлъ и, распалясь
 Душою звѣронравной,
Послалъ къ намъ въ Кіевъ-градъ гонца,
 Чтобъ, тайною рукою
Меня похитивъ у отца,
 Умчалъ въ Литву съ собою.

—Онъ скрылся на Днѣпрѣ-рѣкѣ
 Въ лѣсномъ уединеньи,
Отъ Кіева невдалекѣ;
 О дерзкомъ замыслѣннѣ
Никто и сонный не мечталъ;
 Губитель не встрѣчался
Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ, онъ ждалъ
 Добычи и—дождался.
Я нынче раннею порой
 Въ лугъ вышла, полевые
Сбирать цвѣтки; пошли со мной
 Подружки молодыя.

—Мы росу брали на цвѣтахъ,
Росою умывались,
И рвали ягоды въ кустахъ
И громко окликались.
Ужъ солнце жгло съ полунебесъ;
Я шла одна; кустами
Вилась дорожка; темный лѣсъ
Чернѣлъ передъ глазами.
Вдругъ шумъ.... смотрю.... злодѣй за мной;
Страхъ подкосилъ мнѣ ноги;
Онъ сильною меня рукой
Схватилъ—и въ лѣсъ съ дороги.

—Ахъ, что бѣ въ удѣлъ досталось мнѣ,
Что было бы съ мною,
Когда бѣ не ты? Въ чужой странѣ
Изныла бѣ сиротою.
Отъ милыхъ ближнихъ вдалекѣ
Живетъ ли сердцу радость?
И въ безутѣшной бы тоскѣ
Моя увяла младость;
И съ горемъ дряхлой мой отецъ
Повлекся бы ко гробу....
Но слабость защитилъ Творецъ,
Сразилъ Всевышній злобу.—

Межъ тѣмъ съ поляны въ гущину
Въѣзжаетъ витязь; тучи,
Сгустясь, заволокли луну;
Сталь душень лѣсъ дремучій....
Гроза собиралась; межъ листовъ
Дождь крупный пробивался,
И гулъ тяжелыхъ облаковъ
Съ ихъ ропотомъ мѣшался....
Вдругъ вихорь набѣжалъ на лѣсъ,
И взрылъ деревъ вершины,
И загорѣлися небесъ
Кипящія пучины.

И все взревѣло.... дождь рѣкой;
Громъ страшный, трескъ за трескомъ;
И шумъ воды, и вихря вой;
И поминутнымъ блескомъ
Воспламеняющійся лѣсъ;
И встрѣчу, справа, слѣва
Ряды валящихся древесъ;
Конь рвертсѣ; въ страхъ дѣва;
И, заслонивъ ее щитомъ,
Вадимъ смятенный ищетъ,
Гдѣ бѣ пріютится.... но кругомъ
Все дичь, и буря свищетъ.

И вдругъ ужъ нѣтъ дороги имъ;
Стѣна изъ камней мшистыхъ;
Громъ мчался по бокамъ крутымъ;
Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ
Спираясь, вихорь бушевалъ;
И молніи горѣли;
И въ безднѣ бури груди скалъ
Сверкали и гремѣли.
Вадимъ назадъ.... но вдругъ ударъ!
Ель, треснувъ, запылала;
По вѣтвямъ пробѣжалъ пожаръ;
Окрестность заблестала.

И въ заревѣ открылась имъ
Пещера подъ скалою.
Спѣшитъ къ убѣжищу Вадимъ;
Заботливой рукою
Онъ снялъ соутницу съ коня,
Сложилъ съ рамень колчугу,
Зажегъ костеръ, и близъ огня,
Взявъ на руки подругу,
На броню сѣлъ. Дымясь, сверкалъ
Въ кострѣ огонь трескучій;
Поверхъ пещеры громъ леталъ,
И бунтовали тучи.

И, прислонивъ къ груди своей
Вадимъ Княжну младую,
Изъ золотыхъ ея кудрей
Жаль влагу дождевую;
И, къ персямъ дѣвственнымъ уста
Прижавъ, ихъ грѣлъ дыханьемъ;
И въ нихъ вливалась теплота;
И съ тихимъ трепетаньемъ
Онѣ касался устамъ;
И дѣвица молчала;
И, къ юноши прильнувъ плечамъ,
Рука ея пылала.

Лазурны очи опусти,
Въ объятіяхъ Вадима,
Она, какъ тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что съ невинною душой
Сбылось—не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся вспыхнувъ, трепетала;
Лишь пламень гаснущій сіялъ
Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ,
И вздохъ невольный вылеталъ
Изъ устъ воспламененныхъ.

А витязь?... Что съ его душой?...

Увы! сихъ взоровъ сладость,
Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
Горящихъ персей младость,
И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
По раменамъ разлитыхъ,
И свѣжій блескъ ланить молодыхъ,
И усть полуоткрытыхъ
Палящій жаръ, и тихой гласъ,
И милое смятенье,
И ночи таинственный часъ,
И вкругъ уединенье. —

Все чувства разжигало въ немъ....

О власть очарованья!
Уже, исполнены огнемъ
Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
Его уста горѣли,
И жарче розы на щекахъ
Дрожащей дѣвы рдѣли;
И все.... но вдругъ смутился онъ,
И въ радостномъ волненьи
Затрепеталъ.... знакомый звонъ
Раздался въ отдаленьи.

И долго, жалобно звенѣлъ
Онъ въ безднѣ поднебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстной;
И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало....
Но вдругъ сильнѣй потрясся лѣсъ,
И небо зашумѣло....
Вадимъ взглянулъ—призракъ исчезъ;
А въ вышинѣ.... звенѣло.

И вслѣдъ за милою мечтой
Душа его стремится;
Уже, подернувшись золой,
Едва, едва курится
Въ костръ огонь; на небесахъ
Нѣтъ тучъ, не слышно рева;
Несбрежно на его рукахъ,
Припавъ къ нимъ грудью, дѣва
Младенческій вкушаетъ сонъ,
И тихо, тихо дышитъ;
И близокъ ужъ разсвѣтъ; а онъ
Не видитъ и не слышитъ.

Сталь вѣять свѣжій вѣтерокъ,
Взошла звѣзда денницы,
И обагрѣлся востокъ,
И пробудились птицы;
Конь топнувъ, конь заржалъ;
Вадимъ очнулся—ясно
Все было вкругъ; но сонъ смыкалъ
Глаза Княжны прекрасной;
Къ ней тихо прикоснулся онъ;
Вздохнувъ, она одѣла
Власами грудь сквозь тонкій сонъ,
Взглянула—покраснѣла.

И Витязь въ шлемъ и бронѣ
Изъ подъ скалы съ Княжною
Выходитъ. Солнце въ вышинѣ
Горѣло; подъ горою,
Сіяя, пѣну разстилая
По камнямъ Днѣпръ широкой;
И лѣсъ кругомъ благоухалъ;
И благовѣсть далѣкой
Быль слышенъ. На коня Вадимъ,
Перекрестясь, садится;
Княжна по прежнему за нимъ;
И конь по берегу мчится.

Вдругъ путь широкій межъ деревьевъ:

Ихъ чаща раздалася,

И въ голубой дали небесъ,

Какъ звѣздочка зажглася

Глава Печерская съ крестомъ.

Конь скачетъ быстрымъ скокомъ;

Ужъ въ градъ онъ; ужъ предъ дворцомъ;

И видятъ: на високомъ

Крыльцѣ Великій Князь стоитъ;

Въ очахъ его кручина;

Передъ крыльцомъ народъ кипитъ,

И строится дружина.

И смѣлыхъ вызываетъ онъ

Въ погоню за Княжною,

И избавителю свой тронъ

Сулитъ съ ея рукою.

Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;

Густая пыль клубится;

И видятъ, съ дѣвой на конѣ

Красивый всадникъ мчится.

Народъ отхлынулъ, какъ волна;

Дружина разступилась;

И на рукахъ отца Княжна

При кликахъ очутилась.

Обнявъ Вадима, Князь сказалъ:

„Я не нарушу слова;

Въ тебѣ Господь мнѣ сына далъ

Замѣною роднаго.

Я старъ; будь хилыхъ старца дней

Опорой и усладой;

А смѣлой доблести твоей

Будь дочь моя наградой.

Когда жь наступитъ мой конецъ,

Тогда мою державу

И свѣтлый Княжескій вѣнецъ

Наслѣдуй въ честь и славу.“

И громко, громко раздалось

Дружины восклицанье;

И зашумѣло, полилось

По граду ликование;

Богатый пиръ на весь народъ;

Весь городъ изукрашенъ;

Кишитъ въ задравныхъ кружкахъ мѣдъ;

Столѣ трещать отъ брашенъ;

Поютъ пѣвцы; колокола

Гудятъ, не умолкая;

И отъ огней потѣшныхъ мгла

Зардѣлася ночная.

Веселье всѣмъ; одинъ Вадимъ
 Не весель—мысль далѣко.
Сердечной думою томимъ,
 Безмолвенъ, одинокой,
Ни пѣснямъ, ни привѣтамъ онъ
 Не внимлетъ равнодушный;
Онъ ступить шагъ—и слышитъ звонъ;
 Подыметъ взоръ—воздушный
Призракъ летаетъ передъ нимъ
 Въ знакомомъ покрывалѣ;
Приклонить слухъ—твердятъ: Вадимъ,
 Не забывайся, далѣ!

Идетъ къ Днѣпровымъ берегамъ
 Онъ тихими шагами,
И, смутенъ, взоръ склонилъ къ водамъ....
 Небесная съ звѣздами
Была въ нихъ твердь отражена;
 Вдали, противъ заката,
Всходила полная луна;
 Вадимъ глядитъ.... межъ злата
Осыпанныхъ луною волнъ
 Какъ будто бы чернѣетъ,
Въ зыбяхъ ныряя, легкій чолнъ,
 За нимъ струя бѣлѣетъ.

Глядитъ Вадимъ.... челнокъ плыветь....

Натянуто вѣтрило;

Но безъ гребца весло гребетъ;

Безъ кормщика кормило;

Вадимъ къ нему.... къ Вадиму онъ....

Садится.... чолнъ помчало....

И вдругъ.... какъ будто съ юга звонъ;

И вдругъ.... все замолчало....

Плыветъ челнокъ; Вадимъ глядитъ:

Сверкая, волны плещутъ;

Лѣсистый берегъ назадъ бѣжитъ;

Ночныя звѣзды блещутъ.

Быстрѣй, быстрѣй въ рѣкѣ волна;

Челнокъ быстрѣй, быстрѣе;

Свѣтлѣе на небѣ луна;

На берегъ лѣсъ темнѣе.

И далѣ, далѣ.... все кругомъ

Молчить.... какъ великаны,

Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ;

И, черенъ, сквозь туманы

Глядится въ рѣку тихій лѣсъ

Съ утѣсистой стремнины;

И ужъ луна почти небесъ

Дошла до половины.

Сидитъ, задумавшись, Вадимъ;
Вдругъ.... что-то пролетѣло;
И облачко луну, какъ дымъ
Невидимый, одѣло;
Луна посмеркла; по волнамъ,
По тихимъ сѣнямъ лѣса,
По берегу, по крутымъ скаламъ
Раскинулась завѣса;
Шатнуль вѣтриломъ вѣтерокъ,
И руль зашевелился,
Ко берегу повернулъ челнокъ,
Доплылъ, остановился.

Вадимъ на берегъ; отъ берега челнокъ;
Вѣтрило заиграло;
И вдругъ вдали, съ зыбями волнъ
Смѣшавшись, все пропало.
Въ недоумѣніи Вадимъ;
Кругомъ скалы, какъ тучи;
Безмолвенъ, дикъ, необозримъ,
По камнямъ боръ дремучій
Съ рѣки до берега вышины
Восходить; все въ молчаньѣ....
И тускло падаетъ луны
На мглу вершинъ сіянье.

И тихо по скаламъ крутымъ,
Влекомый тайной силой,
На верхъ взбирается Вадимъ.
Онъ смотритъ—все уныло;
Какъ трупы, сосны подъ травой
Обрушенные тлѣютъ;
На сучьяхъ мохъ виситъ сѣдой;
Разпнувшись, чернѣютъ
Разсѣлины дулистыхъ пней,
И въ нихъ глазами блещетъ
Сова, иль чешуями змѣй,
Ворочаясь, трепещетъ.

И, мнится, жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало;
Какъ бы съ созданья въ мертвомъ снѣ
Древа, и не смущало
Ихъ сна ничто: ни вѣтерка
Передъ денницей шопоть,
Ни легкій шорохъ мотылька,
Ни вепря тяжелой топоть.
Уже Вадимъ на вышинѣ;
Вдругъ боръ рѣдѣетъ тѣмной;
Раздвинулся... и при лунѣ
Явился холмъ огромной.

И на вершинѣ древній храмъ;
Блестящими крестами
Увѣнчаны главы, къ дверямъ
Тяжелыми винтами
Огромный пригвожденъ затворъ;
Вкругъ храма переходы,
Столбы, обрушенный заборъ,
Растреснутые своды
Трапезы, келій рядъ пустыхъ,
И всюду по колѣни
Полынѣ, и длинныя отъ нихъ
По скату холма тѣни.

Вадимъ подходитъ: не вдали
Могильный видѣнъ камень;
Крестъ наклонился до земли;
И легкій, блѣдный пламень,
Какъ свѣчка теплится надъ нимъ;
И воронъ, птица ночи,
На немъ, какъ призракъ, недвижимъ
Сидитъ, унылы очи
Вперивъ на мѣсяцъ. Вдругъ, крыломъ
Взмахнувъ, онъ пробудился,
Взвился.... и на небѣ пустомъ,
Трикраты крикнувъ скрылся.

Объялъ Вадима тайный страхъ;
Глядитъ въ недоуменьѣ;
И дивное тогда въ глазахъ
Вадимовыхъ явленье:
Онъ видитъ, нѣкто приподнялъ
Изсохшими руками
Могильный камень; блѣденъ всталъ;
Туманными очами
Блеснулъ, возвелъ ихъ къ небесамъ,
Какъ будто бы моляся;
Пошелъ; стучаться началъ въ храмъ....
Но дверь не отперлася.

Вздохнувъ, повлекся далъ онъ;
И тихій подъ стопами
Былъ слышенъ шумъ, и долго, стонъ
Пуская, межъ стѣнами,
Между обломками столбовъ,
Какъ блѣдный дымъ, мелькала
Бредуща тѣнь.... вдругъ межъ кустовъ
Вдали она пропала.
Тамъ, боромъ покровенъ, утесъ
Вздымался, крутъ и страшенъ,
И при лунѣ изъ-за древесъ
Являлись кровы башенъ.

Вадимъ туда: уединень,
На грудь скалъ мохнатыхъ,
Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
Оградой стѣнь зубчатыхъ,
Стоить тамъ замокъ, тихъ, какъ сна
Безмолвное жилище,
И вся окрестъ его страна
Угрюма, какъ кладбище;
И башни по угламъ стоятъ,
Какъ призраки, сѣдя,
И сгромаздились у вратъ
Скалы сторожевыя.

Душа Вадимова полна
Смятеннымъ ожиданьемъ —
И свѣтитъ сумрачнымъ луна
Сквозь облако сіяньемъ.
Но вдругъ... слетѣлъ съ луны туманъ,
И боръ засеребрился,
И замокъ весь, какъ великанъ,
Надъ боромъ освѣтился;
И отъ востока вѣтерокъ
Подулъ передразвѣтный,
И чу!... изъ-за стѣны звонокъ
Послышался привѣтный.

И что жь онъ видитъ? По стѣнѣ
Какъ тѣнь уединенна,
Съ восточной къ западной странѣ,
Туманнымъ облеченна
Покровомъ, дѣвица идетъ;
На встрѣчу къ ней другая;
И та, приближась, подаетъ
Ей руку и, вздыхая,
Путь одинокій вдоль стѣны
На западъ продолжаетъ;
Другая жь, къ замку съ вышины
Спустившись, исчезаетъ.

И за идущею во слѣдъ
Вадимъ летитъ очами;
Ужъ, лсень, молодой разсвѣтъ
Встаетъ межъ облаками;
Ужъ загорается востокъ....
Она всё далѣ, далѣ;
И тихо ранній вѣтерокъ
Играетъ въ покрывалѣ;
Идетъ— глаза опущены,
Глава на грудь склонилась—
Пришла на поворотъ стѣны;
Поворотилась; скрылась.

Стоить, какъ вкопанный, Вадимъ;
 Душа въ немъ замираетъ:
Какъ будто ликъ свой передъ нимъ
 Судьба разоблачаетъ!
Блѣднѣе тусклая луна;
 Свѣтлѣй востокъ багровый;
И озаряется стѣна,
 И ярко блещутъ кровы;
Къ восточной обратясь странѣ,
 Ждетъ витязь.... вдругъ вспыхнула
Въ немъ кровь.... глядитъ.... тамъ на стѣнѣ
 Идущая предстала.

Идетъ; на темный смотреть боръ;
 Какъ будто ждетъ въ волненьѣ;
Какъ бы чего-то ищетъ взоръ
 Въ пустынномъ отдаленьѣ....
Вдругъ солнце въ пламени лучей
 На краѣ неба стало....
И витязь въ блескъ передъ ней!
 Какъ облакъ покрывало
Слетѣло съ юнаго чела —
 Ихъ встрѣтились взоры;
И пала отъ воротъ скала,
 И раздалась ихъ створы.

Стремится на ограду онъ;
Идетъ она съ ограды;
Сошлись.... о вѣщій, вѣрный сонъ!
О часъ святой награды!
Свершилось! все—и раннихъ лѣтъ
Прекрасныя желанья,
И озаряющія свѣтъ
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здѣсь не зримъ,
Что вѣрѣ лишь открыто—
Все вдругъ явилось передъ нимъ,
Въ единый образъ слито!

Глядятъ на небо, слезы льютъ,
Восторгомъ словъ лишены....
И вдругъ отъ терема идутъ
Къ нимъ дѣвы пробужденны:
Какъ звѣзды блещутъ очеса;
На ясныхъ лицахъ радость,
И искупленія краса,
И новой жизни младость.
О сладкій воскресенья часъ!
Имъ мнилось: міръ рождался!
Вдругъ.... звучно благовѣста гласъ
Въ тиши небесъ раздался.

И что жь? Храмъ Божій отворенъ;
Тамъ слышится моленье;
Они туда: храмъ освѣщенъ;
Въ кадилахъ куренье;
Передъ Угодникомъ горить,
Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
Сіяніе отъ взгляда;
И нѣкто, свѣтель, въ алтарѣ
Простертъ передъ Потиромъ,
И возглашается горѣ
Хвала незримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
Предъ Царскими дверями,
И вдругъ.... святой напой предъ нимъ;
Главы ихъ подъ вѣнцами;
Въ рукахъ свѣчи воспалены;
И кольца обручальны
На персты ихъ возложены;
И слышенъ гимнъ вѣнчальный....
И вдругъ.... все тихо! гимнъ молчить;
Безмолвны своды храма;
Одинъ лишь, таинственъ, блеститъ
Алтарь средъ оуміама.

И въ семь молчаньи кто-то къ нимъ
Привѣтный подлетаетъ,
Ихъ кличетъ именемъ роднымъ,
Ихъ нѣжно отзываетъ....
Куда же?.... о священный видъ!
Могила передъ ними;
И въ ней спокойно; дернъ покрытъ
Цвѣтами молодыми;
И дышетъ вѣтерокъ окрестъ,
Какъ духъ безплотный вѣя,
И обвиваетъ свѣтлый крестъ
Прекрасная лилея.

Они простерлись ницъ въ слезахъ;
Ихъ сердце вѣсти ждало,
И трепетомъ священный прахъ
Могила вопрошало....
И было всё для нихъ отвѣтъ:
И холмъ помолодѣлый,
И луга обновленный цвѣтъ,
И бѣгъ рѣки веселый,
И воскрешенныя деревья
Съ вершинами живыми,
И, какъ безсмертье, небеса
Спокойныя надъ ними....

Промчались вѣки вслѣдъ вѣкамъ....

Гдѣ замокъ? гдѣ обитель?

Гдѣ чудомъ освященный храмъ?....

Все скрылось.... лишь, хранитель
Давноминувшаго, живѣтъ

На прахѣ ихъ преданье.

Есть мѣсто.... тамъ игривыхъ водъ

Плѣнительно сверканье;

Тамъ вѣчно зелень пышный лѣсъ;

Тамъ сладокъ вѣтра шепоть,

И съ тихимъ говоромъ древесъ

Волны сліянный ропоть.

На мѣстѣ ономъ—такъ гласить

Правдивое преданье—

Былъ пепель инокинъ сокрытъ:

Въ постѣ и покаяннѣ

При гробѣ грѣшника-отца

Онѣ кончины ждали,

И примиреннаго Творца

Въ молитвахъ прославляли....

И улетѣла къ небесамъ

Съ земли ихъ жизнь святая,

Какъ улетаетъ ѳиміамъ

Съ кадилъ, благоухая.

На мѣстѣ ономъ—въ свѣтлый часъ
Земли преображенья—
Когда, слышавъ утра гласъ,
Съ звѣздою пробужденья,
Востока Ангелъ въ тишинѣ
На край небесъ взлетаетъ,
И по туманной вышинѣ
Зарю распростираетъ,
Когда и холмъ и лугъ и лѣсъ,
Все оживленнымъ зрится
И предъ святилищемъ небесъ,
Какъ жертва все дымится.—

Бываютъ тайны чудеса.

Невиданныя взоромъ:
Отшельницъ слышны голоса;
Горѣ хвалебнымъ хоромъ
Поютъ; сквозь занавѣсъ зари
Блится крестъ; сіяяны
Изъ свѣта зрятся алтари;
И, яркими вѣнчанны
Звѣздами, дѣвы предстоятъ
Съ молитвой ихъ святынь,
И Серафимовъ тѣмы кипятъ
Въ пылающей пучинѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

*На Поссидоновъ пиръ веселый,
Куда стекались гада Гелы.*

Подъ словомъ *Поссидоновъ пиръ* разумѣются здѣсь игры *Истмійскія*, которыя отправляемы были на перешейкѣ (Истмѣ) Коринѣскомъ, въ честь Поссидона (Нептуна). Побѣдители получали сосновые вѣнцы. *Гела, Элла, Эллада*, имена древней Греціи.

Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный.

Геліосъ имя солнца у Грековъ.

И тихо выступаетъ хоръ.

Хоръ Эвменидъ (Эрипній, Фурій). Сіи богини, дочери Нощи и Ахерона, открывали тайныя преступленія, преслѣдовали виновныхъ и мстили имъ на землѣ и въ адѣ.

КАССАНДРА.

Кассандра дочь Пріама и Гекубы. Аполлонъ одарилъ ее предвѣденіемъ. По разрушеніи Трои, досталась она на часть Агамемнона и вмѣстѣ съ нимъ погибла отъ руки Эгиста. Стихотворецъ представилъ ее въ ту самую минуту, когда совершается бракъ Ахилла (названнаго здѣсь *Пелидомъ* по отцу его Пелею) съ Поликсеною, младшею дочерью Пріама. Она слышитъ

торжественныя пѣсни и въ то же время предвидить ужасный конецъ торжества. Извѣстно, что Ахилла, передъ самымъ алтаремъ брачнымъ, умерщвленъ Паридомъ, котораго стрѣла направлена была Аполлономъ.

АХИЛЛА.

Ахиллу дано было на выборъ: или жить долго безъ славы, или умереть въ молодости со славою—онъ избралъ послѣднее и полетѣлъ къ стѣнамъ Иліона. Онъ зналъ, что конецъ его скорѣ послѣдуетъ за смертію Гектора—и умертвилъ Гектора, мстя за Патрокла. Сія мысль о близкой смерти слѣдовала за нимъ повсюду, и въ шумный бой и въ уединенный шатеръ; вездѣ онъ помнилъ объ ней: наконецъ онъ слышалъ и пророческій голосъ коней своихъ, возвѣстившій ему гибель.

*Виднѣ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ.*

Пріамъ приходилъ одинъ ночью въ Греческій станъ молить Ахилла о возвращеніи Гекторова тѣла. Мольбы сего старца тронули душу грознаго героя: онъ возвратилъ Пріаму обезображенный трупъ его сына, и старецъ невредимо возвратился въ Трою.

И скрипятъ врата Аида.

Аидомъ назывался у Грековъ адъ; Плутонъ былъ проименованъ Айдонеемъ.

Ты не жди, Менецій, сына.

Менецій отецъ Патрокла.

*Отъ Скироса еда въ влекомихъ,
Поплыветъ Неоптолемъ.*

Пирръ сынъ Ахилла и Деидаміи, прозванный Неоптолемомъ. Въ то время, когда Ахилла ратовалъ подъ стѣнами Иліона, онъ находился въ Скиросѣ у дѣда своего Царя Ликомеда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

БАЛЛАДЫ.

	<i>Стран.</i>
Людмила.....	5
Алина и Альсимъ.....	19
Варвикъ.....	31
Гаральдъ.....	41
Пустынникъ.....	47
Мщеніе.....	59
Рыцарь Тогенбургъ.....	63
Адельстанъ.....	69
Ивиковы журавли.....	81
Льсной царь.....	91
Кассандра.....	95
Три пѣсни.....	103
Эльвина и Эдвинъ.....	107
Графъ Галсбургскій.....	115
Узникъ.....	125

	Стран.
Свѣтлана	135
Эолова арфа	155
Ахиллѣ	167
Двѣнадцатъ спящихъ дѣвъ	179
Вадимъ	227
Примѣчанія	269

Žukovskij, Vasilij Andreevič,

Stichotvorenija

Bd.: 3

St. Petersburg 1835

P.o.rel. 3424-3/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036423-1